

*Focal, fios agus foghlaim:*

Тезисы международной конференции,  
посвященной отечественной школе кельтологии  
и юбилею д.ф.н., профессора  
Татьяны Андреевны Михайловой

Москва 2016

Focal, fios agus foghlaim: Тезисы международной конференции, посвященной отечественной школе кельтологии и юбилею д.ф.н., профессора Татьяны Андреевны Михайловой

Москва, 28-29 января 2016 года

Организаторы:

сектор анатолийских и кельтских языков

Института языкознания РАН,

кафедра германской и кельтской филологии

Московского государственного университета им. Ломоносова

Организационный комитет:

А.В.Сидельцев, к.ф.н.

В.В.Байда, к.ф.н.

Е.А.Парина, к.ф.н.

А.Р.Мурадова, к.ф.н.

---

## Содержание

---

В.В.Байда	
Выражение неререферентности в ирландском языке.....	7
Г.В.Бондаренко	
А. А. Королев как лексикограф: addenda et corrigenda к ДП.....	9
Jacqueline Borsje	
Random Thoughts about Restless Women.....	10
М.А.Волконская	
Об одном апокрифическом сюжете: имя первочеловека от Второй книги Еноха до „Ормулума“.....	16
Н.А.Ганина	
Rosc Catha na Mumhan.....	18
Г.Г.Григорьев	
Символизм посоха в средневековой ирландской агнографической традиции, на примере житий Св. Патрика.....	20
О.В.Дереза	
Корпусные исследования семантики качественных прилагательных на материале гойдельских языков.....	21
А.А.Еваджимова	
Огам – палеографические и эпиграфические заметки.....	24
М.А.Живлов	
О двух видах внутренней реконструкции.....	28
Н.Ю.Живлова	
Сыновья Ниалла Девяти Заложников: если брат на пятьдесят лет старше.....	30
John Carey	
Connlae and the <i>filid</i> .....	31
А.А.Королев	
„Доустанное“ монашество в раннесредневековой Ирландии.....	34
М.В.Королева	
Потерянный перевод Библии на шотландский гэльский.....	37
К.М.Куденко	
Позор, поношение и проклятие в ирландской агнографии.....	39

А.В.Кухто	Редукция редукции рознь .....	41
Séamus Mac Mathúna	The first half of the <i>Irish Life of St Brendan</i> , edited from the Stowe version MS RIA A iv 1.....	43
А.Р.Мурадова	Орфографическая норма в бретонской литературе второй половины XX века .....	53
Д.С.Николаев	Поэтические тексты в двух первых редакциях „Похищения быка из Куальнге“ .....	57
Natalia O'Shea	The role of traditional and performance strorytelling in education of multilingual/multicultural children .....	58
Е.А.Парина	Валлийские переводы в разные эпохи.....	61
В.Г.Потопаева	„Правда королевы“. Правовой и социальный статус ирландских королей .....	64
М.Ю.Снесарева	Дополнительная палатализация в дублинском ирландском: гиперкоррекция или английское влияние? .....	66
Т.В.Топорова	О кельто-германских параллелях в мифологии: мотив <i>источник &amp; дерево</i> .....	68
А.И.Фалилеев	К интерпретации одной латинской надписи из северной Италии .....	70
М.С.Фомин	От берегов Шри-Ланки до ирландских холмов: Хождение ирландских племен в поисках Обетованной Земли .....	73
Е.М.Чекалина	Вариативность пространственных предлогов <i>rá / i</i> в современном шведском языке –“в Ирландии, Исландии, Гренландии...“.....	74
И.И.Чельшпева	Миф о кельтах в истории романских языков.....	76
Т.Д.Шенявская	Кельтский след в исландском именованном .....	78
Т.В.Шингурова	Скала Кашель: место, достойное короля.....	79
М.В.Шкапа	„Verb reprise“ in Irish .....	83

*Focal, fios agus foghlaim*

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ



---

## Выражение неререферентности в ирландском языке<sup>1</sup>

---

Неререферентность в ирландском языке выражается двояко: как с определенным артиклем, так и с нулем. Однако опрос информантов показывает некоторое расхождение в суждениях о приемлемости предлагаемых предложений, что может быть связано как с системными внутриязыковыми факторами, так и с диалектными особенностями. В целом, можно сказать, что неререферентная именная группа оформляется определенным артиклем, когда она может квалифицироваться как конкретная родовая (*specific kind-referring* в терминологии Krifka et al. 1995), и отсутствием артикля, когда она неконкретная неродовая (*non-specific non-kind-referring*). Обнаруживается тенденция, в соответствии с которой некоторые именные группы проявляют неспособность употребляться с определенным артиклем, что, вероятно, связано с тем, что в обыденном языковом сознании они не представляют собой конвенциализованного рода объектов. Так, предложение *Is crann é an dair*, букв. „Есть дерево DEF дуб“, то есть „Дуб - дерево“ приемлемо для всех носителей, в то время как *Is planda é an crann*, букв. „Есть растение DEF дерево“, то есть „Дерево - растение“ приемлемо для меньшего количества носителей. С неререферентными именными группами связана интересная синтаксическая особенность, проявляющаяся в ответах некоторых носителей. В связочных конструкциях подлежащее-определенная именная группа должно сопровождаться

---

<sup>1</sup> Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 14-06-31247 «Категория детерминации в ирландском языке»

согласующимся по роду и числу местоимению 3 л., однако некоторые информанты дают варианты с неопределенной нереферентной именной группой в позиции подлежащего, которая, тем не менее, сопровождается согласующимся местоимением. Таким образом, функционирование местоимения в связочных конструкциях может выходить за рамки определенных именных групп, или – иначе – нереферентные именные группы в позиции подлежащего в связочных предложениях могут рассматриваться в таких случаях как фактически определенные.

### **Литература**

Krifka M., Pelletier F. J., Carlson G. N., ter Meulen A., Chierchia G., Link G., 'Genericity: An introduction' // Carlson G. N., Pelletier F. J. (eds), *The generic book*. 1995. С. 1-124.



## А. А. Королев как лексикограф: addenda et corrigenda к DIL

---

Доклад посвящен одному из направлений лексикографических исследований А. А. Королева в области раннего ирландского языка, а именно исправлениям и дополнениям к печатной версии „Словаря ирландского языка (древне-, средне- и ранненовоирландского периода)“ (DIL). Рукописные глоссы А. А. Королева к DIL, составленные в 1980-90х гг. включают дополнения, исправления, этимологические комментарии и заготовки новых словарных статей, основанные на собственных исследованиях Королева в области древне-, средне- и ранненовоирландской лексикографии, и лексикографических исследованиях второй половины XX в. Работа А. А. Королева во многом предвосхищала „Приложение к электронному словарю“ (Supplement to eDIL), составленное в 2013 г., многие замечания и глоссы исследователя актуальны и должны быть интегрированы в новую электронную версию словаря ([www.dil.ie](http://www.dil.ie)). В докладе будут рассмотрены методы работы А.А. Королева над словарем, составление и структура замечаний в области этимологии и лексикографии. Лексикографическая работа А. А. Королева рассматривается в контексте истории кельтологии в России.

## Random Thoughts about Restless Women

---

The evening of 31 October 2011, a dimly lit class-room in Moscow State University. Tatyana Mikhailova has invited me to give a talk to her students about the connections between Samain/Halloween and human sacrifice. It gets really interesting when I stop talking and Tatyana begins. She is a transformed woman when she speaks Russian instead of English. I see the students watching her eagerly, laughing at her many jokes, enthralled by the tales she tells. Fortunately, Elena Parina joins me and gives an English summary of Tatyana's words. At some stage, we are suddenly in a debate. I am inclined to take stories about human sacrifice with a pinch of salt, at which Tatyana exclaims: „But Jacqueline, you are naïve!“ She has a point, of course. We only need to open our newspapers to encounter gruesome cruelties performed by human beings. It is just as easy to dig up horrors from history. My perspective was, however, based on the analysis of narratives about human sacrifice. This motif has been used in history as an instrument to create scapegoats and persecute religious, ethnic, or other groups. We all know that strange stories about early Christians, Jews and so-called witches slaughtering infants for peculiar purposes have led to bloodshed and killings of those accused of this type of human sacrifice.

The intersection of the fantastic and reality is one among many interests that Tatyana and I share. For this contribution, I will return to a cluster of dangerous ladies from mythology: Lilith – Lamia – Allecto – the Morrígan. When Michael Clarke gave a splendid paper at the Tionól about the last three females (Clarke 2014), one element struck me especially: that Allecto was called ‘unstoppable,

unceasing, incessant' (*impausabilis*), which seemed to point at a parallel between this Fury and Lilith, who is known to be restless. I never explored this further but will now take the opportunity to return to this characteristic. As usual, the matter is rather complicated and we miss pieces of the puzzle. I will nevertheless describe my lines of investigation, which due to present personal circumstances are doomed to be preliminary and somewhat random.

Lilith, Lamia, and the Morrígan have become a cluster thanks to a gloss ascribed to John Scottus Eriugena (ninth century), in which the Morrígan is identified with Lamia: *Lamia monstrum in feminae figura .i. morigain*, 'Lamia: a monster in the form of a woman, that is: a morrigan'. The context is a vision of destruction in the Book of Isaiah that gives the only biblical reference to Lilith: *ibi cubavit lamia et invenit sibi requiem* (Is 34:14), 'Lamia has lain down there and she finds rest for herself'. In his Latin translation of the Bible, the Vulgate, Jerome (ca. 347–420) replaced Hebrew Lilith (the proper and the sort name of a Semitic female demon) with a similar female being from Greek/Roman mythology: Lamia (possibly deriving from Akkadian *Lamashtu*;<sup>1</sup> Hutter 1999: 521). Tales tell how these horrifying supernatural women haunt humanity: their own children died or were killed, which is why they now murder babies and women in childbed out of revenge. They lacerate men whom they first seduce. Like Lamia, Lilith is a destructive, restless supernatural female, and this is the point of her inclusion in Isaiah's prophecy: she is always on the go but it will be in a place of utter destruction that she will finally find rest, among hordes of demons, monsters and wild creatures. Lilith, a long-haired woman with wings, has also been identified with the demon-kind 'terror of the night' (mentioned in Psalm 90:5 and in plural in the Song of Songs 3:8). In the poem *Reicne Fothaid Canainne*, the Irish equivalent of 'nocturnal terror' – *aidche úath* – may refer to the Morrígan as a threatening presence among the bloody corpses on the battle field. There is yet another frightening female who may be added to the cluster. The Morrígan is also equated with a Fury in line 955 in Recension I of *Táin Bó Cúailnge*, 'The Cattle Raid of Cúailnge', in which Allecto (Allechtu), that is: the Morrígan, prophesies about battle and slaughter, perched on a pillar-stone in bird form.

---

<sup>1</sup> Alternatively, lamia is explained as deriving from the same root as Greek terms for 'gullet', and is thus translated as 'she who swallows down' (Johnston 1995: 380; Egeler 2008–2009: 166).

The bird form, the association with battle, war and death, and the talent for shape-shifting are general points of resemblance between Furies and Irish supernatural women, like the Morrígan and Badb, but especially between Allecto and the Morrígan there are striking parallels. Finally, a link between Furies and Lilith/Lamia is supplied by Jerome when he tells us that some Jews identify the latter with the former (for details and further literature, see Borsje 1999, 2007).

Thus we may summarize the previous research. We will now turn to *impausabilis*, ‘unstoppable, unceasing, incessant’, the word that seemed to present a parallel between Lilith/Lamia and Allecto, for an unstoppable Fury may be compared with a restless, slaughtering supernatural woman. The first quote in Clarke’s article, however, describes all three Furies as ‘unstoppable’. Clarke draws our attention to *Ratio fabularum*, ‘The System/Explanation of Myths’, a mythographic text compiled at Laon in the early ninth century under the direction of the Irish scholar Martinus Hiberniensis, and largely derived from the North-African Fulgentius (fl. late 5th – early 6th century) and other Late-Antique authorities, which reads:

ISTAE SUNT tres furiae. Allecto. Tisiphone. Megera. Impausibiles enim interpretantur istae & semper furendo trahere dicuntur animas in infernum.

THESE ARE the three Furies: Allecto, Tisiphone, Megera. These ones are interpreted as ‘unstoppable’ and always by means of madness [? or ‘by always stealing’] these ones are said to drag souls into Hell (Clarke 2014: 112).

This passage seems to etymologize *furia*, ‘fury, violent passion, rage, madness; a Fury’, with both *furo*, ‘to be out of one’s mind, to be mad, furious’, and *furor*, ‘to steal, purloin, pilfer’, and connects this with being *impausabilis*, ‘unceasing, incessant’, which last element at first sight seems to fall outside the etymological play, but not on closer inspection. Without a pause, Furies frantically transport human souls to the Underworld, which may refer to Furies either killing people or serving as demons driving souls to Hell. The plural form of *impausabilis* is, however, unusual. A Google search (on 6 January 2016) resulted only in the quote above from Clarke’s article. More common is the connection of *impausabilis* with the name A(l)lecto, and Fulgentius explains here why:

Huic quoque etiam tres Furias deseruire dicunt; quarum prima Allecto secunda Tisiphone, tertia Megera; Allecto enim Grece **impausabilis** dicitur; Tisiphone autem quasi tuton phone, id est istarum vox;

Megera autem quasi megale eris, id est magna contentio. Primum est ergo non pausando furiam concipere, secundum est in uoce erumpere, tertium iurgium protelare (Fulgentius Mythographus, *Mitologiarum libri tres* (CPL 0849, LLA 710) - LLT-A lib. 1, cap. 7, pag. 20, linea 20; exported on 6 January 2016 from the Cross Database Searchtool of Brepols Publishers).<sup>2</sup>

The Greek word *Allecto* means ‘incessant’ (ἄ-λληκτος). Eriugena may have known this; he was, moreover, familiar with work by Fulgentius (Clarke 2014: 110-111). *Allecto*, however, is not part of the equation in the gloss on Isaiah and this particular connection with Lilith/Lamia suddenly seems rather weak, but it also makes me return to Eriugena’s gloss.

Why on earth did Eriugena associate the Morrígan with a child-murderer and sexually active slayer of men, like Lilith and Lamia, if we leave Jerome’s explanation Lilith=Lamia=Fury aside (cf. Egeler 2008–2009: 137-42)? Was it on the basis of the ability to change shape, as I assumed in 1999? All four female mythological figures have individual characteristics but also share several traits, such as their bird appearance,<sup>3</sup> their female form, their connection with slaughter and sex, and they occur as a single woman with a proper name and as a collective in a plural form. The Morrígan sexually approaches the hero Cú Chulainn ‘in the form of a woman’ in the *Táin*, but there is no Lilith/Lamia-like ending of the episode because of Cú Chulainn’s refusal to make love with her. If this motif from the traditions about the Morrígan was on Eriugena’s mind, then it should be noted that the encounter between bird/woman and warrior has a much closer parallel with the meetings between *Allecto* and Turnus (Borsje 1999: 240, 245-47; cf. Corthals 1996). In order to understand Eriugena’s association, we need to look at the broader context of Lilith/Lamia in Isaiah 34. Jerome’s version counts more mythological beings than the Hebrew ground text, but all the same we get a strong visual image. All nations (*gentes*) should approach; the whole earth should listen (Is 34:1), for God’s indignation and fury (*furor*) have descended upon the nations and their armies; they are killed and slaughtered (2). Everywhere are corpses and carcasses; stench and blood fill the land (3). God’s sword is filled with blood; slaughter and judgement

---

<sup>2</sup> Cf. Clarke 2014: 119, 121, but here the vital link with the Greek language is not made explicit in *Allecto*’s case.

<sup>3</sup> For Lamia or lamiai/lamiae as (nocturnal) birds (of prey), see Johnston 1995: 174-75, who adds: “Child-killing demons are associated with birds of prey – and particularly with nocturnal raptors such as the owl – not only in other areas of the Mediterranean basin but in many other parts of the world as well”. Cf. Egeler 2008–2009: 266.

will/has come down on Bosra and Edom (5-6). The earth gets soaked with blood from lambs, he-goats, rams, unicorns and bulls (6-7) on this day of God's vengeance (8). The ground is full of fiery pitch and brimstone, smoking day and night (9-10). The desolate wasteland will be inhabited by the bittern and hedgehog, the ibis and raven, dragons and ostriches, while the houses and fortresses are overgrown with thorns, nettles and thistles (11-13). Demons and ass-centaurs will meet there; hairy creatures/goat-demons/satyrs cry out to each other and Lamia/Lilith lies down, finally resting (14). Hedgehogs and kites dwell there (15). This is all according to the plan of God (16-17). The association between Lilith/Lamia with the Morrigan is understandable on the basis of this desolate scene, full of corpses and blood, wild and demonic creatures. This landscape parallels Irish battle-field descriptions, in which not only 'monsters in the form of a woman' but also supernatural females, such as the Morrigan, in bird form can be found.

The question of what was known in European medieval cultures about beings like Lilith and Lamia remains pressing. How much exchange was there between Christians and Jews? This needs to be further investigated in temporal and spatial contexts. While we make our diachronic reconstructions and analyses, we remain aware of the fragmentary nature of our evidence. We miss pieces of various puzzles, because only some texts reflect the rich traditions of oral culture, and many texts have gone lost. We may find clues in amulets and spells for protection from these dread-inspiring women, and narratives may reflect popular customs of scaring children into obedience. At first sight, an entry in the fifth- or sixth-century *First Synod of St Patrick* seems to be an isolated piece in an Irish puzzle: belief in a *lamia* is forbidden and accusing someone of being a *lamia*, explained as *striga*, will be punished (Bieler 1963: 56 §16). Lamia was thus not only a supernatural woman; human beings could also be called by this name/word. Significantly, both Lilith (the first wife of Adam) and Lamia started their biography as human women, just as destructive female ghosts who previously died an untimely death and now deprive others of what they missed (Trachtenberg 1939: 36-37; Johnston 1999: 164-65). The *strix* or *striga* is a similar flying, nocturnal, destructive creature; *striga*, 'hag, witch, woman that brings harm to children', is related to *strix*, 'a screech-owl, which according to the belief of the ancients sucked the blood of young children'. The image of women slaughtering

babies and appearing in various forms including birds was part of the concept of witchcraft in Semitic, Greek and Roman cultures; the image was known in other parts of Europe too. In the *Etymologies* of Isidore of Seville (c. 560–636), which were so popular in Ireland, *lamia* is explained from *laniare*, ‘to tear apart, lacerate’ and connected with tales about *lamiae* who snatch children and tear them apart (VIII.102), and *strigae* are said to be transformed humans who can take on various shapes by using spells or poisonous herbs in order to do crimes (XI.4.2).<sup>4</sup> The entry in *First Synod of St Patrick* is part of a larger complex, and its composers may perhaps be compared with Plato who did not believe in such creatures, exiling them to the context of poets, (old) women and children (Johnston 1999: 168-69). With the human dimension of the image of a dangerous, bloodthirsty female, we have returned to our beginning: the crossover between the fantastic and real life, horror stories, false accusations and human beings sometimes doing disgusting, cruel things. Another of Tatyana’s favourite topics – vampires – appeared to be part of the picture as well.<sup>5</sup>

### Select Bibliography

- Bielser, Ludwig 1963: *The Irish Penitentials*. SLH V. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies.
- Borsje, Jacqueline 1999: ‘Omens, Ordeals and Oracles: On Demons and Weapons in Early Irish Texts’, *Peritia. Journal of the Medieval Academy of Ireland* 13 (1999) 224-248.
- Borsje, Jacqueline 2007: ‘The ‘Terror of the Night’ and the Morrigan: Shifting Faces of the Supernatural’, in: Mícheál Ó Flaithearta (ed.), *Proceedings of the Seventh Symposium of Societas Celtologica Nordica*. Studia Celtica Upsaliensia 6, Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 71-98.
- Bremmer, Jan Nicolaas (ed.) 2007 *The Strange World of Human Sacrifice*. Leuven: Peeters, 2007.
- Clarke, Michael J. 2014: ‘Demonology, Allegory and Translation: The Furies and the Morrigan’, in: Ralph O’Connor (ed.), *Classical Literature and Learning in Medieval Irish Narrative*. Cambridge: Boydell and Brewer, 101-22.
- Corthals, Johan 1996: ‘Early Irish *Retoirics* and their Late Antique Background’, *CMCS* 31, 17-36.
- Egeler, Matthias 2008–2009: ‘Condercum: Some Considerations on the Religious Life of a Roman Fort on Hadrian’s Wall and the Celtic Character of the *lamiae tres* of the Dedication Stone *CIL* VII, 507’, *Studi Celtici* 7, 129-76.
- M. Hutter 1999: ‘Lilith’, in: K. van der Toorn, B. Becking and P.W. van der Horst (eds.), *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden, New York, Köln: Brill, 520-21.
- M. Hutter 1939: *Jewish Magic and Superstition: A Study in Folk Religion*. New York: Behrman’s Jewish Book House.
- M. Hutter 1939: *Jewish Magic and Superstition: A Study in Folk Religion*. New York: Behrman’s Jewish Book House.

---

<sup>4</sup> I thank Michael Clarke for drawing my attention to striga in Isidore.

<sup>5</sup> I am grateful to Michael Clarke for his comments upon an earlier version of this piece.

## Об одном апокрифическом сюжете: имя первочеловека от Второй книги Еноха до „Ормудума“

---

В гомилии на Ин. 2: 12–25, части средневековой английской поэмы „Ормудум“ (XII век), встречается аллегорическое толкование, объединяющее изопсефию имени „Адам“, то есть выявление его числового значения, с рассказом о том, как первочеловек получил свое имя от первых букв греческих названий частей света (*Anatole, Dysis, Arctos, Mysimbrion*).

Рассказ об именовании Адама, распространенный в средневековых сочинениях, принадлежащих к латинской, ирландской и славянской богословской традиции, и апокрифической литературе, восходит к преданию, бытовавшему в александрийской среде в начале нашей эры. Мы находим его ранние версии во Второй книге Еноха и третьей книге Оракулов Сивилл, а позднее, в III веке, – в писаниях алхимика Зосимы Панополитанского и сочинениях, приписывавшихся Киприану. Именно в последних (*De Pascha computes, De duobus montibus Sina et Sion*) впервые появляется связь между буквами в имени „Адам“ и их числовым значением.

Следующий важный этап развития этого сюжета – сочинения Блаженного Августина, который опирался на отдельные положения Псевдо-Киприана. Среди прочего, Августин использовал рассказ об имени Адама при написании своего комментария на Евангелие от Иоанна



(*Tractatus in Iohannis Evangelium*), связав его с 46 годами – сроком, в течение которого, как сказали иудеи Христу, строился храм (Ин. 2: 20). Оттуда это толкование проникает сначала в труды Беды, а позднее – Алкуина и других богословов каролингского возрождения.

Хотя ссылки на некоторых из этих авторов представлены в комментарии Роберта Хольта к

„Ормудуму“, все же кажется маловероятным, что Орм обращался напрямую к сочинениям Августина, Беды или Алкуина. Его изложение данного сюжета короче и лишено многих деталей, которые присутствуют в тексте ранних авторов. Как мы покажем в докладе, источником Орма в данном случае была *Glossa Ordinaria*.

## Rosc Catha na Mumhan

---

В годы Семилетней войны (1756–1763) в Шотландии и Ирландии ожидали, что из-за моря прибудет король из династии Стюартов – юный принц Карл Эдуард (Чарльз), сын Иакова (Джеймса), принца Уэльского, внук католика и сторонника абсолютной монархии Иакова II и правнук казненного короля Англии Карла I. В провинции Манстер уже разворачивали боевые действия „Дикие гуси“ – ирландские якобитские полки. Принцу Чарли посвящено немало шотландских якобитских песен („Welcome, Royal Charlie“, „Come o'er the Stream, Charlie“ и др.). Таково было время, когда ирландский поэт Пирс Мак-Джеральд (ок. 1709 – ок. 1792) создал песню „Боевой клич Манстера“. Стиль ее соответствует веку: стих перегружен описательными оборотами и упоминаниями мифологических персонажей от „вярящейся Фетиды“ до кельтских мифологических персонажей, хором поющих на берегу<sup>1</sup>. Тем не менее, этот текст представляет несомненную поэтическую, а не только историческую ценность, и „Rosc Catha na Mumhan“ стал одним из символов борьбы Ирландии за свободу.

---

<sup>1</sup> Некоторые четверостишия в этом стиле опущены в предлагаемом ниже русском переводе в соответствии с современной традицией исполнения песни. Тексты других ирландских песен с упоминанием королей в ходе истории претерпели еще более радикальные изменения. Например, известная песня «Óró, Sé do Bheatha 'Bhaile», изначально также посвященная принцу Карлу Эдуарду (Séarlás Óg, «Молодой Чарли»), в начале XX в. была радикально переделана поэтом Патриком Пирсом (вместо принца Чарли на родину с кораблями и войском в версии Пирса, получившей широкое распространение, прибывает морская королева Грануэл (Gráinne Mhaol; «Лысая Грайне»).

## БОВОЙ КЛИЧ МАНСТЕРА

Буйные ветры мне весть подают,  
Битву пророчит валов разбег,  
Радостно, звонко птицы поют:  
Скоро мой Цезарь ступит на брег.  
Манстеру это радость сулит  
И тем, в чьих жилах – кровь славных вождей,  
Море гремит, к нам смелых стремится,  
Близится стая тех кораблей.

Солнце сияет над нашей землей,  
Луна из-за туч свой возносит венец:  
Вершины дерев возвещают бой,  
Горестям гэлов скоро конец.

Манстеру это славу сулит,  
И тем, в чьих жилах – кровь древних князей,  
Море гремит, к нам смелых стремится,  
Близится стая тех кораблей.

Каждое утро с прибрежных гор  
Я на заре спускаюсь к волнам,  
По кораблям тоскует мой взор,  
Ищет вождя, что движется к нам.

Манстеру это победу сулит,  
И тем, в чьих жилах – кровь королей,  
Море гремит, к нам смелых стремится,  
Близится стая тех кораблей.

*(Пер. Натальи Ганиной)*

## Символизм посоха в средневековой ирландской агиографической традиции, на примере житий Св. Патрика

---

Доклад посвящён символическому значению посоха Св.Патрика („*Vachal Isu*“ в поздних житиях) и его роли в агиографии апостола Ирландии. Пришел ли символизм чудесного посоха в ирландскую агиографию извне или имеет корни в дохристианском прошлом Ирландии? Можем ли мы проследить связь „посоха Иисуса“ с волшебными посохами других религиозных традиций? Как меняется и эволюционирует символизм посоха в житиях с течением времени? Почему этот важный предмет обретает имя только в поздних житиях Св.Патрика? Отличается ли волшебный посох Св.Патрика от посохов других ирландских святых?

В первой части доклада я обращусь к ограниченному кругу ирландских агиографических текстов: двум житиям Св.Патрика из „Книги из Армы“, „Трёх-частному Житию Св.Патрика“, Житию Св. Патрика из „Пёстрой Книги“, также будут упомянуты жития ирландских святых из „Книги из Лисмора“. На основе этих источников я выделю основные сюжеты и мотивы, в которых встречается чудесный посох. Затем я перейду к сюжетам, связанным с волшебным посохом в текстах Ветхого и Нового завета, а также к некоторым образцам катакомбной иконографической традиции Италии и Франции III-IV вв., раннесредневековым ирландским барельефам. Проанализировав вышеуказанные материалы я покажу, как образ посоха в ирландской агиографической традиции идеологически связывает Св.Патрика с Иисусом и Моисеем, тем самым подтверждая легитимность святого как первого и полноправного апостола Ирландии.

## Корпусные исследования семантики качественных прилагательных на материале гойдельских языков

---

В фокусе этого небольшого исследования – качественные прилагательные ирл., шотл., др.-ирл. *trom* ‘тяжелый’ и ирл. *éadrom* / шотл. *aotrom* (*eutrom*) / др.-ирл. *étrom* ‘легкий’, которые особенно интересны в связи с тезисом А. Вежбицкой и К. Годдарда о том, что «понятие о физическом качестве относится к воплощенному человеческому ощущению» (Goddard, Wierzbicka 2007: 765). Иначе говоря, ‘тяжелый’ – это не обладающий каким-то строго определенным весом, а такой, воздействие веса которого мы ощущаем, что полностью подтверждается проанализированным гойдельским материалом.

Материал рабочего корпуса, в который вошли 200 ирландских, 127 древне- и среднеирландских и 200 шотландских примеров употребления названных выше прилагательных, был собран двумя разными способами. Для получения стословных списков примеров каждой из исследуемых лексем в современных ирландском и шотландском языках был использован инструмент случайной выборки Нового корпуса Ирландии (*Nua-Chorpas na hÉireann*) и Корпуса шотландского языка (*Corpas na Gàidhlig*) соответственно. Древне- и среднеирландский материал, в свою очередь, был собран путем сплошной выборки из древнеирландских глосс и некоторых текстов средневековой ирландской литературы, размещенных электронной библиотеке CELT.

Значения полисемичных лексем актуализируются только в контексте, в связи с чем для их описания были использованы выделенные на основе

номенклатуры проекта WordNet обозначения классов существительных, с которыми сочетаются исследуемые прилагательные. Эти сочетания были распределены по четырем семантическим сферам (Ширшикова 2013: 5).

**1. Экспериментальная сфера** – ‘такой, который трудно/легко поднять или переместить; такой, вес которого (не) ощущается’. Значения экспериментальной сферы можно называть прямыми, поскольку впечатление о физическом весе объекта и является референтом понятий ‘тяжелый’ и ‘легкий’, а остальные – переносными.

{МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ}  
{ВЕЩЕСТВО}

**2. Параметрическая сфера** – обладающий характеристиками, по некоторым параметрам смежными с тяжестью: интенсивность действия или проявления признака, размер и количество, толщина и плотность слоя и густота покрова, громкость (звука) и насыщенность (цвета) и т.д. Иными словами, прилагательные *trom* и *éadrom* могут выступать в качестве показателей интенсива и антиинтенсива, что более или менее соответствует функциям Magn и AntiMagn в теории И.А. Мельчука (Мельчук 1974: 80-99).

{ДЕЙСТВИЕ}  
{ЧУВСТВО}  
{ПОГОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ}  
{ДЕНЕЖНАЯ СУММА}  
{КОНТЕЙНЕР}  
{ДВИЖЕНИЕ} и т.д.

**3. Психофизиологическая сфера** – ‘(не) вызывающий физический дискомфорт при взаимодействии’.

{ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ}  
{ПИЩА}

**4. Эмоционально-оценочная сфера** – ‘(не) вызывающий эмоциональный дискомфорт при взаимодействии’.

{АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ}  
{ЧЕЛОВЕК}

Исследование показало, что оба прилагательных гораздо реже (в 2,5 – 9 раз) употребляются в прямом «физическом» значении, чем в переносных. Частотнее всего оказались сочетания, где ‘тяжелый’ и ‘легкий’ являются

выражением лексической функции (Anti)Magn. Второе место по частотности занимают сочетания с существительными, обозначающими движение, при этом 'легкий' во всех языках гораздо чаще используется в этом контексте, чем 'тяжелый'. Кроме того, в шотландском понятия 'тяжелый' и 'легкий' используются для характеристики движения примерно в 3,5 раза чаще, чем в современном ирландском. Также более частотны в шотландском сочетания со словами класса {ЧЕЛОВЕК}, где 'тяжелый' и 'легкий' описывают чье-либо эмоциональное состояние.

Полученная картина довольно сильно отличается от того, что мы видим в словарях; следовательно, в некоторых практических целях имеет смысл ранжировать значения внутри словарной статьи по частотности сочетаний, в которых они проявляются.

### **Литература**

- Fellbaum, Ch., 2006, 'Wordnet(s)', in: Brown, E. K., Anderson A., eds., *Encyclopedia of language & linguistics*, Amsterdam: Elsevier, 665-70
- Goddard, C.; Wierzbicka, A. 2007. NSM analyses of the semantics of physical qualities: sweet, hot, hard, heavy, rough, sharp in crosslinguistic perspective. In: *Studies in Language*, Volume 31, Number 4, pp. 765-800
- Мельчук, И.А. 1974. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст».
- Ширшикова Е.А., 2013. Категоризация признаков «тяжелый» и «легкий» в английском языке. Кандидатская диссертация. Воронеж

## Огам – палеографические и эпиграфические заметки

---

В данном докладе под огамом мы будем понимать, особый алфавит, состоящий из 20 знаков, объединенных в 4 группы, *aiśmī*, по 5 в каждом и 5 добавочных (*forfeda*), и надписи на нем независимо от языка, на котором написан памятник. Как показывает анализ самих знаков то, что в классической греческой или латинской палеографии оказывается в центре внимания исследователей, ряд особенностей начертания тех или иных букв и их возможные варианты изменения со временем, затруднительно в полной мере применить к этому алфавиту, так как основные знаки, *aiśmī*, представлены в виде черточек, а добавочные, располагающие к палеографическому описанию, встречаются в памятниках реже.

Что же тогда остается для палеографического анализа? Толщина штриха и глубина нанесения, особенности соединения с основной линией надписи (угол, длина отдельной черточки из массива), расположение надписи на памятнике и форма основной линии. По некоторым из этих признаков выделяют несколько видов начертания огамических символов: 1) классический стиль огама (отсутствует основная линия (*stemline*), гласные переданы точками), 2) основная линия есть, также есть знаки для гласных, 3) = второму, только дальние концы всех букв связаны (*bind ogams*), 4) дальние концы букв связаны у некоторых из них. Ряд надписей содержит согласные, начертанные под углом к основной линии, или такие же гласные, или редкие начертания букв, в некоторых встречаются непривычные для монументальной эпиграфики знаки etc. Эти и другие



особенности будут подробно представлены в докладе на примере анализа палеографии и эпиграфики следующих памятников: Newton In The Garioch, Bimaken Friary Stone I, Кнос у Doonee Stone (500–550 (Kermode 1910–1911), 466–500 (Jackson 1953), 500 (Thomas 1971)), Maughold Stone (800–899 (Jackson 1953) - with an initial feather mark, which is unusual for monumental inscriptions, and indicative of a late date). Kirk Michael Stone (1099–1200 (Kermode 1907), 1000–1099 (Sims-Williams 2003)), Bimaken Friary Stone I (400–500 (Ziegler 1994)), Bimaken Friary Stone II (800–1199 (Kermode 1907), 550–900 (Ziegler 1994)), Ballaqueeney Stone I (466–533 (Kermode 1907), 500–550 (Ziegler 1994)), Ballaqueeney Stone II (466–533 (Kermode 1907), 400–550 (Ziegler 1994)), Speke Farm Keeill Stone (900–1100 (Forsyth 2007), 550–900 (BabelStone 2008)), Lewannick Stone I (400–799 (Okasha 1993), 500–533 (Thomas 1994)), Lewannick Stone II (400–799 (Okasha 1993), 500–566 (Thomas 1994)), Lewannick Stone III (400–700 (Thomas 1994)), St Kew Stone (400–799 (Okasha 1993), 550–599 (Thomas 1994)), Worthyvale Stone (400–799 (Okasha 1993), 533–566 (Thomas 1994)), St Endellion Stone (500–799 (Okasha 1993), 566–599 (Thomas 1994)), St Clement's Stone (500–799 (Okasha 1993), 500–533 (Thomas 1994)), Penwith Stone, Roborough Down Stone (400–799 (Okasha 1993), 533–566 (Thomas 1994)), Fardel Stone (400–799 (Okasha 1993), 500–550 (Thomas 1994)) Llanfaelog Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 400–599 (Edwards 2010)), Aberhydfer Stone, Crickhowell Stone (500–599 (Nash-Williams 1950)), Defynnog Stone (400–533 (Nash-Williams 1950)), Trecastle Stone (400–533 (Nash-Williams 1950)) Crai Stone (400–533 (Nash-Williams 1950)), Trallong Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 500–550 (Jackson 1953)), Pontsticill Stone (400–599 (Nash-Williams 1950)), Ystradfellte Stone I (400–599 (Nash-Williams 1950)), Brynkir Stone (500–599 (Nash-Williams 1950)), Llanarth Stone (400–533 (Nash-Williams 1950)), Llandysul Stone (500–599 (Nash-Williams 1950), 525–575 (Jackson 1953)), Rhyddlan Stone (400–533 (Nash-Williams 1950)), Castell Dwyran Stone (540–550 (Nash-Williams 1950), 550–550 (Jackson 1953), 533–566 (McManus 1991)), Eglwyscummin Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 466–499 (Jackson 1953)), Llandawke Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 400–450 (Thomas 1994)), Llangeler Stone (466–599

(Nash-Williams 1950), 475–525 (Thomas 1994)), St Ishmael Stone, Llanwinio Stone (400–599 (Nash-Williams 1950), 500–533 (Jackson 1953), 500–533 (McManus 1991)), Clocaenog Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 466–499 (Jackson 1953)), Tirphil Stone, Kenfig Stone (500–599 (Nash-Williams 1950)), Loughor Stone, Brawdy Stone I (400–533 (Nash-Williams 1950)), Brawdy Stone II (500–599 (Nash-Williams 1950), 500–599 (Thomas 1994)), Bridell Stone (400–599 (Nash-Williams 1950), 420–430 (Thomas 1994)), Caldey Island Stone (400–599 (Nash-Williams 1950)), Cilgerran Stone (500–599 (Nash-Williams 1950), 600–633 (Jackson 1953), 600–633 (Thomas 1994)), Clydau Stone I (400–533 (Nash-Williams 1950), 500–533 (Jackson 1953)), Clydau Stone II (400–533 (Nash-Williams 1950), 500–566 (Jackson 1953)), Jordanston Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 466–533 (Jackson 1953)), Llandeilo Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 500–566 (Jackson 1953)), Llanfrynach Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 500–566 (Jackson 1953)), Llanfrynach Stone (400–533 (Nash-Williams 1950)), Nevern Stone I (400–533 (Nash-Williams 1950), 500–540 (Thomas 1994), 450–499 (Jackson 1953)), Nevern Stone II (400–533 (Nash-Williams 1950), 400–499 (Jackson 1953), 466–533 (Thomas 1994)), St Dogmaels> Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 466–533 (Jackson 1953)), St Dogwell's Stone (500–599 (Nash-Williams 1950), 500–533 (Jackson 1953)), Steynton Stone (400–533 (Nash-Williams 1950), 466–499 (Thomas 1994)), Lochnaw Stone, Blackwaterfoot Cave Inscription I (500–799 (Forsyth)), Blackwaterfoot Cave Inscription II (500–799 (Forsyth)), Blackwaterfoot Cave Inscription III, Dunadd Rock Inscription (700–833 (Forsyth)), Inchmarnock Stone (750 (Lowe)), Lochgoilhead Stone (600–799 (Forsyth)), Potaloch Stone, Scoonie Stone, Wemyss Cave Inscription, Abernethy Stone I, Abernethy Stone II, Dupplin Cross (789–820 (Forsyth)), Inchyra Stone, Auquhollie Stone (400–700 (Forsyth)), Brandsbutt Stone, St. Fergus Stone (833–866), Fordoun Stone (700–799 (Jackson)), Formaston Stone (775–1000 (Forsyth)), Logie Elphinstone Stone, Altyre Stone, Brodie Stone, Ackergill Stone, Latheron Stone (700–850 (Forsyth)), Birsay Stone I, Birsay Stone III (600 (Forsyth)), Burrian Stone, Bressay Stone (необычные знаки огама), Cunningsburgh Stone I, Cunningsburgh Stone II, Lunnasting Stone (700–900 (Forsyth)), St. Ninian's Isle

Stone I (700 (Forsyth)), Whiteness Stone (900–999 (Forsyth)), Silchester Stone (350–425 (Fulford et al. 2000)), а также ряда других для сравнения.

**Источники:**

<http://www.ucl.ac.uk/archaeology/cisp/database/>

<http://babelstone.blogspot.ru/2013/06/ogham-stones-of-scotland.html>

[http://archaeologydataservice.ac.uk/archiveDS/archiveDownload?t=arch-352-1/dissemination/pdf/vol\\_010/10\\_134\\_141.pdf](http://archaeologydataservice.ac.uk/archiveDS/archiveDownload?t=arch-352-1/dissemination/pdf/vol_010/10_134_141.pdf)

[https://archaeologydataservice.ac.uk/archiveDS/archiveDownload?t=arch-352-1/dissemination/pdf/vol\\_026/26\\_263\\_351.pdf](https://archaeologydataservice.ac.uk/archiveDS/archiveDownload?t=arch-352-1/dissemination/pdf/vol_026/26_263_351.pdf)

---

## О двух видах внутренней реконструкции

---

Под „внутренней реконструкцией“ в сравнительно-историческом языкознании обычно понимают „построение гипотез о праязыковых прототипах тех или иных языковых элементов на основании данных одного языка“ [Бурлак, Старостин 2005: 178]. Однако реально за этим термином скрываются два различных метода, не только исходящих из разных методологических предпосылок, но и дающих зачастую несовместимые результаты. Обозначим их условно как „внутреннюю реконструкцию 1“ и „внутреннюю реконструкцию 2“.

„Внутренняя реконструкция 1“, по сути, представляет собой морфонологический анализ, проводимый с диахроническими целями. Исходная предпосылка этого метода – постулат, что все не супплетивные алломорфы одной морфемы восходят к одной существовавшей в предыстории данного языка исходной форме. Различия между ними, особенно регулярные (повторяющиеся в алломорфах других морфем) чередования фонем, являются результатом действия регулярных же фонетических изменений. Анализ чередований позволяет выявить эти изменения и „снять“ их действие. В результате мы получаем набор реконструированных морфем и правила их перехода в наблюдаемые алломорфы. Ключевым требованием для этого метода является полнота охвата материала: в идеале необходимо рассмотреть весь корпус морфем данного языка.

„Внутренняя реконструкция 2“ устроена существенно иначе. Она опирается на отдельные нерегулярные формы и явления, рассматриваемые как архаизмы (ср. роль *регулярных* чередований во „внутренней реконструкции 1“). На основа-

нии этих форм „достраивается“ вся реконструируемая система („при внутренней реконструкции восстанавливаются те элементы языковой структуры, которые отсутствуют в нынешнем состоянии, но ожидалось бы по системным соображениям“ [Бурлак, Старостин 2005: 178]), а всё, что не укладывается в полученную реконструкцию, объявляется инновацией, причём причины и механизмы появления таких инноваций могут остаться без объяснения.

Сопоставить два вида внутренней реконструкции можно на примере области, где применялись они оба. Такой областью является индоевропейская акцентология. Применение „внутренней реконструкции 1“ к материалу балто-славянских языков [Дыбо 1981] и древнеиндийского [Kiparsky 2010] приводит к выводу, что место ударения в этих языках определяется глубинными акцентными характеристиками („валентностями“) отдельных морфем. При этом нет непосредственной связи между реконструируемым местом ударения и ступенями аблаута.

„Внутренняя реконструкция 2“ на материале индоевропейской акцентологии даёт совершенно иные результаты (см., например, [Meier-Brügger 2010: 336-353]). Она исходит из архаичности того фрагмента древнеиндийской акцентной системы, в котором ударение коррелирует с аблаутом. Предполагается, что все случаи отсутствия такой корреляции, как в древнеиндийском, так и в других индоевропейских языках, вторичны. Для реконструкции акцентных парадигм праиндоевропейского применяется не столько сравнение акцентных парадигм, засвидетельствованных в дочерних языках (древнеиндийском, древнегреческом, балто-славянских), сколько данные об аблаутных чередованиях. Полученная реконструкция „акцентно-аблаутных парадигм“ (существующая в нескольких, сильно различающихся между собой, вариантах) входит в неразрешимое противоречие с результатами „внутренней реконструкции 1“. Корни этого противоречия – в методологическом различии между двумя видами внутренней реконструкции.

## Литература

- Бурлак С.А., Старостин С.А. *Сравнительно-историческое языкознание*. – М., 2005.  
Дыбо В.А. *Славянская акцентология*. – М., 1981.  
Kiparsky P. Compositional vs. Paradigmatic Approaches to Accent and Ablaut // *Proceedings of the 21<sup>st</sup> Annual UCLA Indo-European Conference, October 30<sup>th</sup> and 31<sup>th</sup>, 2009*. – Bremen, 2010.  
Meier-Brügger M. *Indogermanische Sprachwissenschaft*. 9., durchgesehene und ergänzte Auflage. – Berlin / New York, 2010.

## Сыновья Ниалла Девяти Заложников: если брат на пятьдесят лет старше

---

Формально средневековая Ирландия была христианской страной, но тем не менее, ирландские короли могли жениться неоднократно (четыре раза или больше), могли разводиться и даже иметь несколько жён одновременно. Легендарному королю Ниаллу Девяти Заложников также приписывают несколько браков и множество сыновей – от восьми до двадцати четырёх. Однако даты смерти его сыновей – 440 (Майне) и 510-е годы (Фиаху) заставляют историков сомневаться, что речь действительно идёт о братьях: высказывались предположения, что различные династии впоследствии стали возводить свою родословную к Ниаллу, и что, возможно, не все „сыновья“ Ниалла действительно имели отношение к роду Уи Нейллов.

В нашем докладе мы попытаемся посмотреть на эту проблему под другим углом: насколько возраст и деятельность сыновей Ниалла отражают общие тенденции, характерную для политического устройства Ирландии в раннем средневековье? При анализе биографии известных персоналий X-XII в. (Бриан Бору, Диармайд мак-Маэл-на-мБо, короли из рода О'Конноров) становится очевидным, что нередко короли могли вступать в выгодный для них брак достаточно поздно и сын короля от этого брака мог достигать власти спустя многие десятилетия после смерти отца.

## Connlae and the *filid*

---

In his in-depth study of the tale *Echtrae Chonnlaí*, in which an Otherworld woman defies a royal druid and predicts the defeat of the druid hierarchy by Saint Patrick, Kim McCone has pointed to structural parallels between this story and Muirchú's account of Patrick's contention with Lóegaire and his druids at Tara, tacitly suggesting that the former may have been modelled on the latter (McCone 2000, 86-8). A feature of Muirchú's narrative that lacks an obvious analogue in *Echtrae Chonnlaí* is the role of the chief *filí* (*poeta optimus*) Dubthach moccu Lugair, whose respectful greeting to Patrick contrasts with the saint's hostile reception by the druids, and foreshadows the preeminence which the *filid* were to enjoy in Christian Ireland after the druids' downfall (Bieler 1979, 92-3). In this connection it is interesting to look at two further texts in which the name *Connlae* appears in association with druids and the Otherworld.

The version of 'The Pseudo-historical Prologue to the *Senchas Már*' in Dublin, TCD 1336 (shelf-mark H 3.17) contains a list of pre-Christian legal authorities that includes 'Connlae of the Fair Judgements, the sage (*súí*) of Connacht', whose wisdom derived from the grace of the Holy Spirit. There is an anecdote describing this Connlae's refutation of the claims of the druids to have created the universe and the heavenly bodies, together with the statement that with the Holy Spirit's assistance he never uttered a false statement, and the attribution to him of a lost legal treatise *Immard nAirechta* (CIH 1654.14-23; 1655.5, 23; cf. Breatnach 2005, 262-3).

The watery source of supernatural inspiration or *imbas*, usually called the well of Segais in stories about the Boyne, appears as the undersea ‘spring of Connlae’ in the *dindsenchas* of the Shannon (Gwynn 1903-35, iii.286, 292; Stokes 1892, 497; *idem* 1894, 456). E. J. Gwynn saw this designation as being ‘in memory of Condla Coem’s adventure’ (i.e. of *Echtrae Chonnlai*; *op. cit.*, iii.529); Séamus Mac Mathúna, by contrast, has suggested that it may represent ‘a remarkably old tradition which might have provided the motivation for linking Condla(e) with an Otherworld voyage’ (Mac Mathúna 1985, 273).

In these three sources, we find the name *Connlae* linked with conflict with druids (*Echtrae Chonnlai*, ‘Prologue’) and with access to the Otherworld (*Echtrae Chonnlai*, Shannon); while possession of the *imbas* that came from the well of Connlae was one of the marks of a master *filí*, who could be designated *súí* like Connlae of the Fair Judgements (see especially Breatnach 1987, 36.4-5; also *CIH* 348.25). More than a coincidence of name seems to be involved.

A single scenario can accommodate all of these elements. The emergence of a Christian society in Ireland witnessed the eclipse of the authority of the druids, and also the rise of the *filid* as a new cultural elite distinct from the bards. Neither process was complete in the eighth century, when *Uraicecht Becc* still included druids among the skilled professions (*CIH* 1612.8), and bards and *filid* could still figure together in a list of poetic ranks in *Bretha Nemed* (Breatnach 1987, 34-5, 82, 99). I suggest that the name *Connlae* was associated with the early propaganda whereby the *filid* sought to consolidate their ascendancy. This propaganda had two principal themes: the *filid*, unlike the druids, had a place in the Christian future; on the other hand, they were also masters of *imbas*, with access to the native Otherworld from which it flowed. If I am correct, *Echtrae Chonnlai* does indeed originate from the same background that produced Muirchú’s portrayal of Dubthach moccu Lugair: a pagan poet who welcomes the new religion, and (in the ‘Pseudo-historical Prologue’) a vehicle of the Holy Spirit like Connlae of the Fair Judgements.

## References

- L. Bieler, *The Patrician Texts in the Book of Armagh*, Dublin 1979.
- L. Breatnach, *Uraicecht na Ríar*, Dublin 1987.
- L. Breatnach, *A Companion to the Corpus Iuris Hibernici*, Dublin 2005.
- CIH* = D. A. Binchy, *Corpus iuris Hibernici*, 6 vols, Dublin 1978.



- E. J. Gwynn, *The Metrical Dindsenchas*, 5 vols, Dublin 1903-35.
- S. Mac Mathúna, *Immram Brain*, Tübingen 1985.
- K. McCone, *Echtrae Chonnlai and the Beginnings of Vernacular Narrative Writing in Ireland*, Maynooth 2000.
- W. Stokes, 'The Bodleian Dinnshenchas', *Folklore* 3 (1892), 467-516.
- W. Stokes, 'The Prose Tales in the Rennes Dindshenchas', *Revue celtique* 15 (1894), 272-336, 418-84.

## „Доуставное“ монашество в раннесредневековой Ирландии

---

Вопросы, связанные с организацией ирландской церкви в эпоху раннего средневековья, остаются дискуссионными. Несмотря на кажущееся изобилие информации, попытки построить целостную и непротиворечивую картину церковного устройства неизменно заканчиваются неудачей<sup>1</sup>. Отчасти это связано с неадекватным отражением исторических реалий в источниках, отчасти – с различиями в структуре и функционировании церковных институтов в Ирландии и в континентальных странах. Эти различия особенно заметны в том, что касается монашества. Унификация норм жизни европейского монашества на основе бенедиктинского устава, протекавшая в VII–VIII вв. на франкских и западногерманских землях, в Италии и англосаксонской Британии, не затронула Ирландию. В XII в. внешние наблюдатели отмечали удивительное несходство образа жизни ирландских церковников и привычных им клириков и монахов бенедиктинской традиции. Так, согласно шотландскому сказанию о храме св. Андрея, местные клирики „жили не столько по установлениям святых отцов, сколько по собственному разумению и людскому преданию“<sup>2</sup>. Св. Бернард обвинял ирландское

---

<sup>1</sup> Напр.: С. Etchingham, Church Organisation in Ireland, A.D. 650 to 1000 (Maynooth, 1999).

<sup>2</sup> W. F. Skene (ed.), Chronicles of the Picts, Chronicles of the Scots (Edinburgh, 1867), pp. 188–9.

духовенство в распушенности и поправлении канонической дисциплины<sup>3</sup>, а Гиральд Камбрийский рассматривал ирландские реалии как экзотику<sup>4</sup>.

В империи Каролингов по крайней мере с начала IX в. устав Бенедикта рассматривался как нормативный свод основных предписаний, регулировавших жизнь монастырей. Но в Ирландии ни устав Бенедикта, ни какое-либо другое монашеское „правило“ не получили статус нормативного документа. Нет сведений не только об унификации, но даже о кодификации монашеских обычаев в раннее средневековье. Так называемые ирландские „уставы“ (*riagla*)<sup>5</sup> являются не столько сводами дисциплинарных и литургических предписаний, сколько дидактическими трактатами и даже гомилиями. Их основное содержание — рассуждения о пороках и добродетелях, восхваления аскетического подвига, призывы к праведной жизни и соблюдению обязанностей монаха. В текстах, связанных с движением Кели Де, отдельные нормы свободно комбинировались и даже не всегда считались обязательными для исполнения<sup>6</sup>. Общий принцип ирландской аскетической дисциплины выражен в уставе св. Колумбы: „Повиновение любому обычаю, лишь бы он был праведным“ (*Comus fo réir neich nach aili bescna bus cráibdech*)<sup>7</sup>. Учитывая вероятную эволюцию форм монашеской дисциплины („секуляризацию“ крупных общежительных монастырей, распространение общин „анакоретов“, появление Кели Де, специализировавшихся на

---

<sup>3</sup> См., напр.: D. Scully, 'The Portrayal of Ireland and the Irish in Bernard's Life of Malachy', D. Bracken, D. Ó Riain-Raedel (eds.), *Ireland and Europe in the Twelfth Century: Reform and Renewal* (Dublin, 2006), pp. 238–56.

<sup>4</sup> *Topographia Hiberniae*, c. 27–32: J. J. O'Meara, 'Giraldus Cambrensis in Topographia Hibernie Text of the First Recension', *Proceedings of the Royal Irish Academy, Section C*, 52 (1948/50), pp. 169–71.

<sup>5</sup> L. Gougaud, 'Inventaire des règles monastiques irlandaises', *Revue bénédictine* 25 (1908), pp. 167–184, 321–333; J. F. Kenney, *The Sources for the Early History of Ireland: An Introduction and Guide* (New York, 1929), pp. 315, 474–475; P. O'Dwyer, *Céli Dé: Spiritual Reform in Ireland, 750–900* (Dublin, 1981), pp. 122–39; W. Follett, *Céli Dé in Ireland: Monastic Writing and Identity in the Early Middle Ages* (Woodbridge, 2006), pp. 142–156, 225–230.

<sup>6</sup> Напр., предписания относительно рациона монахов в трактате „Монастырь Таллахт“ (E. J. Gwynn, W. J. Purton (eds.), 'The Monastery of Tallaght', *Proceedings of the Royal Irish Academy, Section C*, 29 (1911/2), p. 152).

<sup>7</sup> K. Meyer, 'Mitteilungen aus irischen Handschriften', *Zeitschrift für celtische Philologie* 3 (1901), p. 29.

богослужении суточного круга), положение монашества в раннесредневековой Ирландии с трудом поддается описанию.

По-видимому, это должно свидетельствовать об отсутствии централизованных механизмов законодательного процесса в ирландской церкви. Формально в стране могли существовать аналоги континентальных митрополий, проводились синоды, многие церковные общины были объединены в особого рода организации во главе с крупнейшими церквами. Однако система отличалась нестабильностью: изменения политической ситуации приводили к распаду одних и возвышению других церковных институтов. В VIII–X вв. монашеские обители редко имели самостоятельное значение; чаще всего они находились в зависимости от крупных церковных общин немонастырского типа. Поэтому члены каждой общины могли самостоятельно определять свои „уставные“ нормы. Таким образом, до XII в. в Ирландии фактически сохранялось „доуставное“ монашество, которое на континенте было давно уже вытеснено колумбановской и бенедиктинской традициями, которые способствовали сначала кодификации, а затем и унификации норм монашеской обсервации.

## Потерянный перевод Библии на шотландский гэльский

---

Передо мной лежит классическое, в черном кожаном переплете с золотым обрешом, издание гэльской Библии, или *An Leabhar – the Book*, как ее с уважением называют гэлы. Издание предваряется предисловием на гэльском языке, где подробно описываются этапы перевода: сперва Нового (1767), а затем и Ветхого Заветов (1801), их последующие многочисленные правки и переиздания. Ни в этом предисловии [2], ни в классическом труде Дональда Массона [4], которому потребовалось семь статей, чтобы рассказать об этапах создания „нашей гэльской Библии“, не упоминается тот факт, что, помимо известного всем перевода, был издан еще один перевод Нового Завета в 1875 году. Рассказу об этом забытом издании я посвятила в свое время отдельное выступление [1]. Честные шотландские протестанты умалчивали о втором переводе не случайно, дело в том, что это была католическая, то есть „не наша“ гэльская Библия. Католический перевод Нового Завета, выполненный следом за протестантским, был не сразу опубликован, а после смерти переводчика – отца Юана Макэхана (1769–1849) – надолго потерялся. Рукопись нашел Колин Грант и издал перевод [6]. Схожая, но гораздо более плачевная судьба постигла третий из имевшихся переводов Библии, которому и будет посвящен мой доклад. На сегодняшний день данный перевод существует лишь в рукописи, возможно, утерянной [3]. Однако обширная переписка переводчика, преподобного Томаса Росса, со своими оппонентами и споры о языке перевода представляют для историка языка, возможно, не меньший интерес, чем сам

манускрипт [5]. Вопросы, поднятые доктором Россом около двухсот лет назад, не только проливают свет на интересные факты развития и исторического становления шотландского гэльского языка, но и представляются более чем актуальными в свете готовящегося новейшего перевода Библии на современный гэльский язык.

### **Избранная библиография**

- Королева, М.В. Судьба двух переводов Библии на гэльский язык // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых „Ломоносов“ [Электронный ресурс]. Секция „Иностранные языки“. Москва, 2009.
- Am Bìoball Gàidhlig. Dùn Èideann, 1992.
- Black, R. Gaelic Orthography: The Drunk Man's Broad Road // The Edinburgh Companion to the Gaelic Language. Edinburgh, 2010.
- Masson, D. Our Gaelic Bible // The Celtic Magazine. Vol. IV. Inverness, Edinburgh and Glasgow, 1879. Pp. 99, 141, 190, 210, 259, 302 and 347.
- Ross, T. Letters and other documents, on the subject of a new translation of the Sacred Scriptures into Gaelic. Edinburgh, 1821.
- Tìomnadh Nuadh ar Tìghearna agus ar Slanair, Iosa Criosta. Aberdeen, 1875.

## Позор, поношение и проклятие в ирландской агнографии

---

Песнь-поношение (др.-ирл. *aér*) по праву можно назвать одним из важнейших феноменов дохристианской Ирландии. Законная песнь, исполненная филидом в соответствии с установленной процедурой, регулировала отношения между поэтом и его патроном; незаконно произнесенная песнь приравнивалась к проклятию и могла обратиться против своего автора. Тем не менее, и та, и другая воспринимались как опасная угроза в обществе, этический базис которого составляли понятия чести и стыда (*honour-shame society*), и после христианизации острова поношения и проклятия сохранили за собой важную функцию, с той лишь разницей, что соперниками филидов-хулителей стали проклинающие святые.

В настоящем докладе рассматриваются общие для проклятий святых (др.-ирл. *mallacht*) и поношений профессиональных поэтов (*aér*) элементы, а также сделана попытка провести параллель между ритуальным *mallacht*, зафиксированным в ирландских житиях святых, и обрядом *glam dicenn*, исполнявшимся филидами.

Кроме того, образы, связанные с ЛСП древнеирландских поношений также нашли свое отражение в проклятиях святых, а сюжетные структуры, ассоциирующиеся с феноменом *aér*, были переосмыслены и интерпретированы в соответствии с новой задачей, стоящей перед компилятором – прославлением конкретного святого.

Эти особенности будут прокомментированы на примерах проклятия Св. Патрика против короля Бекана (*Acallam na Senórach*); жития Св. Руадана (*Vita Ruadani*); жития Св. Бераха (*Betha Beraigh*) и проклятия Св. Ронана против короля Суибне (*Buile Shuibhne*).



---

## Редукция редукции рознь

---

В предлагаемом докладе рассматривается один частный вопрос фонологии одного мунстерского диалекта современного ирландского языка, а именно *Gaeilge Chorca Dhuibhne* (GCD), — вопрос, который занимает умы кельтологов больше ста лет — и предлагается (очередное) решение этого вопроса.

Ещё Ж. Лот в статье 1913 года (Loth 1913) обращает внимание на двусложные слова типа *cailleach* ‘карга, ведьма’ или *tuirseach* ‘усталый’, где в GCD, вопреки обыкновенному для двусложных слов с краткими гласными правилу, ударение стоит не на первом, а на втором слоге. Впоследствии было предпринято немало попыток объяснить это отхождение от строгих законов выбора ударного слога в GCD, который всегда основывается на относительном весе слогов в слове (см. Sjoestedt 1931; Jackson 1955; Blankenhorn 1981; Doherty 1991 и др.).

В докладе представлен обзор взглядов на эту проблему, а также высказываются возражения против подходов, где девиантная схема ударения выводится из исключительных свойство сочетания /ax/. Факты из разных областей фонологии GCD указывают на то, что причина исследуемой аномалии кроется в свойствах первого слога подобных слов, содержащих фонологически редуцированный гласный шва /ə/, а не фонетически редуцированный краткий гласный.

Игнорирование противопоставления исторических причин, которые могли привести к возникновению гласного /ə/ в первом слоге перед /ax/, и данных современного состояния GCD, заметное во многих

работах, уделяющих внимание этой проблеме, существенно затрудняет анализ вопроса и препятствует формулированию содержательных обобщений о материале. Напротив, принятие его во внимание может дать полезные результаты, как, например, выявление различия между фонетической редукцией гласных и фонологически редуцированным гласным шва.

### **Избранная литература**

- Blankenhorn, Virginia S. 1981. Pitch, quantity and stress in Munster Irish. *Éigse* 18, 225–250.
- Doherty, Cathal. 1991. Munster Irish stress. *Phonology at Santa Cruz* 2, A. Mester and S. Robbins (eds.), 19–32.
- Jackson, Kenneth. 1955. *Contributions to the study of Manx phonology*. Edinburgh: Thompson Nelson and Sons.
- Loth, Joseph. 1913. L'Accent dans le gaélique du Munster. *Revue de Phonétique* 3, 317–343.
- Sjoestedt, Marie Louise. 1931. *Phonétique d'un parler Irlandais de Kerry*. Paris: Librairie Ernest Leroux.

The first half of the *Irish Life of St Brendan*, edited from the Stowe version MS RIA A iv 1<sup>1</sup>

---

There are two recensions of the *Irish Life of Saint Brendan*, one unconfliated with the *Navigatio sancti Brendani* (NB), the other conflated. They have been designated as the *First Irish Life* and the *Second Irish Life* respectively.<sup>2</sup> Whitley Stokes edited and translated the unconfliated recension from *The Book of Lismore* but was not aware at the time of writing of all the manuscripts containing it.<sup>3</sup> It has an account of two voyages made by Brendan. It was a very popular text, copied in each century between the fifteenth and twentieth.<sup>4</sup>

Domhnall Ó Duinnín's copy in Royal Irish Academy A iv 1 (formerly Stowe 9), pp. 175-204, represents a more modernised copy of the *Life* than those contained in some of the other manuscripts and has not hitherto been published. Since space does not permit us to give the text in its entirety, I have given an extract from it up to the end of the first voyage and Brendan's return home. It is

---

<sup>1</sup> I have great pleasure in presenting this small token of my esteem and appreciation to Professor Tatyana Mikhailova who has made a number of important contributions to various aspects of Celtic Studies. Tatyana has also worked selflessly for the maintenance and development of the subject in the Russian Federation and the Slavic countries in general and has been most hospitable in fostering and caring for young scholars.

<sup>2</sup> See Séamus Mac Mathúna, 'The Irish Life of St Brendan: Textual History, Structure and Date'. In Glyn S. Burgess and Clara Strijbosch (eds.), *The Brendan Legend: Texts and Versions*. Brill: Leiden . Boston, 2006, 117-158.

<sup>3</sup> Whitley Stokes (ed.), *Lives of Saints from the Book of Lismore, edited with a translation, notes, and indices*, Oxford 1890 (*Anecdota Oxoniensia, Mediaeval and Modern Series*, part 5), 99-116, 247-61; Charles Plummer edited the conflated version in *Bethada náem nÉirenn*, vol. 1, 44-95; vol. 2, 44-92.

<sup>4</sup> For the MSS, see Mac Mathúna 2006:119-25

a diplomatic edition in which the MS readings have been followed as closely as possible. The usual expansions have been carried out and are identified in italics but length marks have not been editorially entered. Paragraphing is editorial.

The manuscript was written in 1627 in the Franciscan House at Cork for Proinsias Ó Mathghamhna (Francis O Mahony), provincial of the Irish Franciscans at the time. At a much later date, it was taken along with other MSS of Charles O Conor of Belanagare to the library of the Duke of Buckingham at Stowe in England. It was purchased by the Government of the United Kingdom of Great Britain and Ireland in 1883 and placed in Royal Irish Academy.

While the scribes of some of the other MSS also modernise the language, they also retain more original forms than Ó Duinnín. (References are to the lines of Stokes's edition):

L		St.
3307	accobras codermair	lenab mian go dithcheallach
3308	i canoin petarlaice	a gcanoin an tseanracha
3313	crídh	croidhedhaibh
3329	cuna ria	gona roithfí
3374	rosconnset	rosconnsidar
3384	cech tan	gach uair
3396	is tualang Dia	is cumachtach Dia
3403	do proicept Dé	do shenmoir breithre
3403	luidseom	dochuaidh
3410	cidh dod-fucc	cread do tug ale
3414	dogensa	dodhéansa
3415-16	cu torussa cugat	go ttora misí chugad
3442	gonait	ro gonadur
3444	isin lucc cetna	isin áit cedna
3561	cu tarda	go ttugadh
3623	rofhethnaig an mhuir	rochiúnaigh an mhuir
3625	a ndeilbh shenta	a ndeilbh senduine

### Beatha Breanainn

Beatus uir qui timet *dominum* in mandatis eius uolet nimis. Is firen 7 is foirfe an fer forsa mbí eagal 7 *iomomhan* an Coimthe *cumachtaigh* 7 lenab mian go dithcheallach aithne 7 foirchedal Dé do *comall*, amhail luaghter a gcanoin an tseanracha 7 an núafhiadhnaisi an t-aithesg so.

Sochaidhe *tra* do uasalaithe 7 do faidhibh 7 do absdalaibh 7 do deisgioblaibh an Coimthe *cumachtaidh*, frisa ndubhradh an t-aithesg-so a *senracht* 7 a nuafhiadhnaisi .i. a mbeith firen forusda foirfe ara mhian 7 ar ailges

leo aithenta 7 foircedal Dé do chomall ar sireagla an Coimthe do ghnaith ana gcroidhedhaibh 7 iona menmanmaibh *gin sgrudain* oile *acht* madh sin namá.

Aon iaram don lucht sin .i. Brenainn mac Fionnlogho mic Alchon mic Fionncadha mic Gosa mic Gaibhli mic Ecne mic Talann mic Ithachair mic Alta mic Agamain mic Fidhchuire mic Uasalaigh mic Delbna mic Eona mic Uasalaigh mic Asdamain mic Madhataói diar ba hainm Ciar o n-abartur Ciarruidhe mac Fergusa mic Rosa Ruaidh mic Rughruidhe mic Sithge do sliocht Ir mic Mileadh Easpainne.

Cenn creidmi 7 crabhaidh iartair domain ana aimsir fein an tí naom Brenainn .i. amhail Abraham n-irisech; sailmcedlaigh príomhfhaitheachdha amhail Daibid mac Iese; eagnaigh déarscaidhtech amhail Solamh mac Daibhit; fer *rechta* amhail Mhaoisi mac Amhra; inntleachtach amhra amhuil Auguisdir; óg é amhuil Eoin bruinnedalta an Coimthe; suibhisceal amhail Mhatha; foirchedlaigh amhail Phol príomabsdal; cenn diolgadha 7 maithfidhe amhail Phedar n-absdal; dithreabhach amhail Eoin Baisdidh; *trachtairi* glic mara 7 tíre amhail Noe mac Laimiach, uair amhail ro thogaibh Noe an airc úas tonnaibh na dilenn an airde, is amhlugh sin toigebhas mac Fionnlogha a mhancha 7 a muinntera an airde os tinigh bhratha go na roithfi dé ná detach céo na crethir iad *tre cumachtaibh* 7 chaoincrabhadh Brenainn mic Fionnlogha.

A n-aimsir tra Aongusa mic Nad-Fraoich, ri Muman, rogenair an tí Naom Brenainn. Do Ciarruidhe Luachra dó.

Do bfer sáor sochinelach craibtech cridhechair athair an mic sin .i. Fionnlogh. Is amluigh badar an lanamain sin fa smacht & riaghail dlighthigh do riaghail Esbuidh Eirc. Adchonnaire dona mathair Brenainn aislingthe ria sin rogenair Brenainn .i. lan a hochta d'fheor glan do beith aice 7 a ciocha do taithnemh amhail tsneachta . Iar n-innisis na haislingthe sin do Espud Eirc adubhairt go ngeinfedh uaithi *gein cumachtach* bud lán do raith an spiorada naoimh .i. Brenainn.

Aroile fer mor saidhbhir bui a n-aitribh go fada og toigh Fionnlogha .i. Airge mac Fioghaidh a ainm. Tainic príomfaidh na hEirenn an tan sin go tech Airge mic Fioghaidh .i. Beg mac Dé eisdhe. Iar sin ro fiarfaidh Airge de 'Cíadh is mesa duinn anosa'. Adubhairt Beg mac Dé fris: 'Ginfidh do rí diles diongmala féin edrad 7 muir anocht 7 budh sochaidhe do rioghaibh 7 do ruirechaibh aidheores De 7 bhéras lais dochum nime Isin oidhche sin *geine* Brenainn. 7 rugsad tríocha

bó *tríocha* laogh do Airge *mac* Fíochaidh an oidhce sin. Iarsin ro éirigh Airge *mac* Fíodhaidh 7 ro baói ag iarraidh an tíghe a rugadh an *mac* beg 7 fuair tech Fíonlógha 7 an naoidhe ann 7 ro *slecht* go duthr*acht*ach iona fiadhnaisi 7 ro iodhbhair an *tríocha* lailgech gona laoghuibh dó 7 ba hi *sin* céd iodhbhairt 7 ced almsa *Brenainn* annuil adbert an file an rannso dia dhearbhadh:

Tríocha bó bithbliocht ní senaim  
o *mac* Fíodhaig do *Brenainn*  
céd *cródh* *Brenainn* buidhnig bhil  
an brughaidh a gCiarraidibh

Iar sin rogabh an brugaidh an *mac* ana laim 7 adubhairt ‘biodh dalta damhsa so,’ ar sé, ‘*trí*a bhithe na bethadh’.

An oidhche ghine *Brenainn* adcon*nairc* Esbudh Eirc an tír uile fo áonlasair *dermair* amhail ná facas riamh *roime* 7 *timtírecht* examhail na n-etaighib glegheala uman tír *umaccuaird*. Eirghes Esbudh Eirc go moch arna marach 7 *taimic* go teach Fíonlógha 7 roghab in *mac* iona laim & adubairt *fris*: ‘A dhuine fhoighenas do Dhia, gabh misi chugad amhail manach ndileas. Agus gíodh forbfhaoiligh gach áon *romad* is mó mu luthgháirsi 7 m’fhorbhfailtechus *romad* om *cróidhe* 7 om *anam*,’ ol Esbudh Eirc. Iar sin ros*liacht* Esbudh Eirc ’na fiadhnaisi 7 ro chaoi go *trom* a gcomarta failte. Is iarsin ro bhaisd Easbudh Eirc hé 7 Mobí a ainm ar tús ó na thuisdedhaibh. Iar sin ro ferastur bráen fíonn .i. *ciamair* fhíonn ana go no líon an talamh uile 7 is desin ba Braenfíonn a ainmsium. Fíonn *umaro* do radh *fris* ar ba fíonn a chorp 7 a *anmain* é. Iar g*criochnughadh* an bhaisididhe don Esbudh ro scinnsidar trí muilt chorera asan ttoabar feich baisididhe *Brenainn*.

Iar *sin* rugsat a muinte*r* fein léo é go mbaói bliadain acu. Iar *sin* rug Esbudh Eirc leis é ar amas a buime .i. go hIta, a hainm 7 bui choig bliadhna aice. Is iarsin tug an caillech Iota *gradh* *dermair* don *mac* uair ad ciodh *timthírecht* na n-angel uassa 7 rath an spiorada naoim fair go follas. Is ansin do biodh *Brenainn* ag siorgháire frisan gcailligh gach uair ad ciodh hí. Ar oile ló ro fhiarfuidh Iota de ‘ciodh do gní fáilteach samluigh, a naoidhe naomtha,’ ol si. Adubhairt an *mac* beg. ‘Tusa’, ar sé, ‘ 7 óga iomdha oile amhail tusa adcim ag labhra *frium* 7 iad agam comaltrom as gach láim día chéile’. Aingil a ndéalbhaibh na n-óg badh ansin.

O raimic aos a coig mbliaghan ro leig la hEsbudh Eirc a shalma go *gresach*. O baoisium *tra* ion aroile ló ag larraidh bainne fora oide, ní raibhí bó bithblio**cht** ag Esbudh Eirc uair ní ghabhadh almsana o nech *acht* began ó dhaoibh riaghalta. ‘Is *cumachtach* Día *uime* sin do *tabhairt* duit’, a mhic, ‘ól an t-esbudh. Is iar sin tigidh an t-agh allaigh gach láoi do Sleibh Luachra gana laogh lé go mblidhtí dósú**m** hí 7 teidhedh a haon**ur** isan sliabh iarna bleghan.

Ar oile lá do chuaidh Esbudh Eirc do senmoir bráthri Dé, luidh Brenainn lais isin charbad. Is an**nsin** ba slán deich mbliadhna dósú**m**. Factar Brenainn na aon**ar** isin carbad iar ndul don chleirech don proigept. Suidhis Brenainn isin carbad 7 bui ag gabhail a shalm. Iar sin trá tig ingen mín macachta mhongbhuidhe go cinel riogha go nuige an carbad. Sillis *fair*sium, fechainn a ghnuis ro-alainn. Fuabhrais leim chui**ge** isin carbad fo cedoir 7 a cluithe do dhenam *fris*. Is an**nsin** adbertsú**m** *fria*: ‘Imhigh 7 *beir* / *bur* mallacht *cread* do tug ale 7 beirigh ar iallaibh an charbaid 7 gabhaidh fora sraoilledh go *ger* go raibhí ag cáoi 7 ag diugaire go *riacht* go *hairm* a raibhí a mathair 7 a hathair .i. an righ & an riaghan. Iompois *iar*am an t-esbudh *fair* & gabhaidh forin crechadh *fair* go mor fá bualadh na hoighe nemhurchoididhe *sin*. ‘Do dhensa aithrige *an*,’ ólsé, ‘7 abairsi hí.’ ‘Tair an**nsan** uaimso go maidin,’ ar Esbudh Eirc, ‘7 bí at aon**ur** in**nte** go ttora misi chugad amárach’. Iar sin *tra* shuidhigh Brenainn isin uamaidh & gabhaidh a sailm 7 a iomna molta don Coim**dhe** in**nte**. Oirisigh tráth Esbudh Eirc a bfarradh na huama ag eisde**cht** *fria* Brenainn gan fhios dó. Ad cluinti *tra* foghar ghotha Brenainn a gabhail a salm mile ceim**enn** for gach leith.

Iar sin *tra* adcon**na**irc an cleirech buidhne aingel súas go nem 7 anúas go talamh ós an uamaidh go maidin. On ló sin amach *ri*am níor fhed nech gnúis Brenainn do fhaicsin ar iom**ad** na ruithnedh ndiagha báoi fair *acht* Fionan Cam a aonur ar ba lán do raith an Spiorada Naoim an ti Fionan.

Aroile lá badur ag im the**cht** na slighe .i. Brenainn 7 Esbudh Eirc. Tegmuidh áon o**gl**ach ana gcuide**ch**tain for an slighe. Tegmuidh namaid bad**ur** aige dó .i. moirseisior láoch. Gabhais eagla mor an t-o**gl**ach ar n-aithne a nam**ad** cuige 7 adbert ‘muirfid súd misi anois,’ arsé. ‘Eirg began ar sgáth an chartha cloiche út’, ar Brenainn, ‘7 sin tú fora sgáth.’ Do ghnisium *tra* amhluigh sin 7 tógbuidh Brenainn a lámha do iornaighthi *fria* Día go ro choisrig an t-o**gl**ach gor chuir a rio**ch**t an chartha cloiche é 7 an cartha a rio**ch**t an o**gl**aigh. Iarsin tegaid na namaid gus an gortha 7 benaid a cen**n** don chartha a rio**ch**t an o**gl**aigh. Ro gonad**ur** an cartha

iona taobh 7 faghaid an cloch iarna dichenmadh 7 berid an cenn léo a riocht cinn a namad 7 mainigh bheós an cloch sin isin áit cedna sin. ‘Denaidh aithrighe,’ ar Esbudh Eirc, ‘úair cenn na cloiche fil agaibh 7 ro imthigh bur nama úaibh.’ Do gníad iarsin aithrighe ndiochra fría Día 7 dobadh fo riaghail Esbuidh Eirc ó sin amach tría bithe.

Iar bfoghluim trá Chánoine an tSenracha 7 an Nuareacha go léir do Brenainn robadh ail dó riaghla naom Éirenn do sgríobhadh 7 do fhoghlúim. Cedaides tra Esbudh Eirc dósúm dul do foghlúim na riaghla sin oir rofhidir gurab ó Dhia robhuí dósúm an comairle sin 7 adubairt Esbudh Eirc fris: ‘Tar chugamsa do ridhisi 7 na riaghla sin lat go ro ghabha tú gradha uaimse’. 7 iar ndul dósúm do agallaim a buime .i. Iota, asedh adubhairt an ní cedna fris .i. riaghla naomh Eirenn do foghlúim 7 ad bert fris fos: ‘Na dena foghlaim ag mnaibh ná ag ogaibh ar na deintar t’égnach.’ ‘Imtigh,’ arsí, ‘maille re bennachtain 7 teigemhaidh láoch soicinelach duit for an slighe 7 budh é mac Leinnin an laoch sin’. Iar n-imthecht trath do Brenainn tarla mac Leinnin dó. ‘Dena aithrighe,’ ar Brenainn fris, ‘úair atá Día agad torgairm cuige 7 biodh ad mac diles dó o sunn amach.’ Ro iompa tra Colman mac Leinnin annsin docum an Coimthe 7 cumdaighter eaglais lais do Día fo cedoír.

Iarsin ro siacht Brenainn crích Connacht fo clú aroile fir chráibhtigh bui ann .i. Iarlaithe mac Logha mic Trena mic Féig mic Machta mic Bresail mic Fiacha Finn 7 rofhoghluim Brenainn na huile riaghla Eirenn aige. Is annsin adbertsum fría hIarlaithe: ‘ní ba hannso bias t-eiseirgisi idir’, arsé. Is annsin ad bert Iarlaithe: ‘A mic naoibh’, arsé, ‘ciodh ara bfaile forainn ratha diadha an Spiorada Naoim filid filid (sic) ionmad go follos 7 cumachta diairme an Coimthe cumachtaigh fil go hincleithe ad mheanmain. Tusa trá do aimic cogamsa do foghlaim agam 7 misi bias agadsa,’ ar Iarlaithe, ‘o sunn amach, acht geibh misi at maincine tré bithe na betha,’ ar Iarlaithe. ‘Acht abainsiom cáit a mbín m’eiseirge! Adbert Brenainn fris: ‘Dentar carbad nua let, ar is senoir tú 7 eirigh inn foran slighedh 7 an t-ionad a mbrisfe firtais an carbaid is annsin bias d’eiseirge 7 eiseirge sochaidhe maile fríut.’ Iarsin tra teid an senoir isin carbad 7 ní fada do chuaidh an tan robhris da fhertais an charbaid 7 asé ainm an ionaid sin Tuaim Dá Ghulann 7 robenmaigh Brenainn an chill 7 rofagaibh Iarlaithe innte.

Iar bfgabail Iarlaithe annsin gabhais Brenainn roime fhoramas Muighe Moir. Teagmaig aingel dó for an slighe 7 as edh adbert fris: ‘Sgríobh,’ arsé, ‘bríathra an



crabhaidh uaimisi'. Sgríobhais tra *Brenainn* annsin on aingel an uile riaghail n-eglasda nemhda 7 mairigh bheós an riaghail sin. In tan iaram badur ag imteacht an muighe go n-acadur an crochar 7 duine marbh fair 7 a charaid aga chainedh. 'Cuiridh bur ndochus go daingen a nDía 7 budh béo in duine sin fil agaibh'. Iar ndenamh urnaighthe tra do *Brenainn* focedoír eirgis an t-oglach on bhás sin 7 berid a muinnter leo hé go bhailte nderbair. Iarsin tra gabhais cách for a fhegadhsum go mór 7 berid léo é go dú a mbaoi rí an muighe sin 7 tairgis an rí ferann dó san áit in budh áil dó isin mag uile 7 nior ghabh *Brenainn* uadha uair nior b'ail leis commuidhe isin maigh sin. Iar sgríobhadh tra riaghla na naom 7 riaghla an aingil gona mbesaibh 7 gona gcrabhadh do *Brenainn* ro iompa go hEsbudh Eirc 7 gabhais gradha uadha. Is iar sin tra rofhás gradh an Coimthe ana cruidhe go diochra 7 bá toil dó a thír 7 a thalamh, a athair 7 a mhathair 7 a athardha do fhághháil 7 ro sir go duthrachtach foran gCuimde go ttugadh talamh diamair deroil alainn a bfad o daoibh dó. Iar gcolladh do *Brenainn* an oidhche sin do chualaidh guth an aingil an oidhche sin do nim 7 ad beiredh fris. 'Eirg,' a *Brenainn*, 'or sé, '7 taradh duit an ní roshiris .i. Tir Tairngaire'.

Eirghes *Brenainn* 7 ba maith lais an t-aithesg ro chualaidh 7 teid a aonur a Sliabh nDaidhche .i. Cnoc m*Brenainn* aniu 7 fechais in aigian nderbhair ndofhulachta uadh for gach leth 7 is annsin adconnaircsiumh an innsi n-álainn noiredha go ttimtireacht na n-aingel fuirte. Iarsin tra do roine *Brenainn* aoine 7 urnuighthe annsin 7 collais do righisi. Tig iarsin aingel an Coimthe día agallaim 7 ad bert fris: 'Biadsa', arsé, 'o sunn amach maraon rut tria bhithe na bethadh 7 muinfedsa duit', arsé, 'an innsi n-álainn ad connaicais 7 is mian lat do rochtain 7 ro caoi *Brenainn* iarsin ara fáilte lais aitheasg an aingil fris 7 doghni altughadh buidhe fria Dhia iarsin. Eirgis *Brenainn* iarsin assin sliabh 7 tig go a muinntir 7 adbert frú: 'Dentar trí longa móra libh,' arse, '7 trí sretha do ramaibh for gach luing 7 trí seolta do croicnibh 7 tríocha fer in gach luing.'

Iarsin tra seolais *Brenainn* Mac Fionnlogha for tonnaibh an mara mongruaidh 7 for trethan na ttonn ttaobhuaine 7 for béolaihb an aigein aghuathmhair, áit ana bfuadarur iomad na bpiasd mbelderg muiridhe 7 do geibhdis oilena aille iongantacha 7 ní fhedaidis dul a ttir ionnta bheos. Badur trá amhluigh sin go cenn coig mblíadhan for an aigen n-iongantach n-aíneolach doibhsium 7 ní tarla duine doibh fris an résin 7 ní raibhe esbuidh duine dia muinntir forta fris an re sin 7 ba hiongnadh an ní sin oir nir léig *Brenainn* doibh lon na lanbetha do breith léo.

*Asedb* adbert ba tualaing Dia biadh 7 betha do tabhairt doibh in áit a mbedais amhuil ro shásaigh na cóig mhíle dona trí haranaibh 7 don dá iasg. An tan *tra* ba *comfhoghas* an Cháisg dóibh *badur* a mhuinntir aga iarraidh for Brenainn dul a tír do cheileabhradh na Cásga. Is eidir la Día talamh do thabhairt in gach ionad bus ail dó. Iar *ttiachtain* tra na Casga togbais bledhmiol mór muiridhe a *fhormma* 7 a *slinnein* an airde ós *tonnaibh* an mara *gur* bó talamh *comtrom* *comard* amail budh faithche *choimreidh* *comalainn* 7 tiaghaid a tír foran ttalamh sin & ceileabhraid an Caisg *ann* 7 *badar* aonla 7 dá oidhchi *ann*. Iar ndul dóibh ana longaibh *sginmis* an bleidhmhiol fon muir fo chedóir. As *edb* atá ní chena do cheileabhradais an Cháisg amluigh sin gacha bliadhna go *cenn* *seacht* mbliadhan ar *druim* an bleidhmil muiridhe sin uair an tan ba *comfhoghas* an Caisg doibh gacha bliadhna do thogbudh an miol mór a *cenn* 7 a *druim* go mba *talam* *tirim* *teachtaidhe* doibhsium é. Aroile lá dhoibh forsan aigen n-iongantach go bhfad *cadur* srotha *doimne* diamhora in mhara mongruaidh 7 is beg nachar bhaitheadh a longa le méid na hainne fine. Gabhais cach díobh ag fegadh an aghaidh Brenainn oir ba hadhbhal med an ghádhbhaidh a rabhadur. Togbhas Brenainn a ghuth go hárd 7 as bert: ‘as lór duit, a mhuir morso’, ar sé, ‘misi am aonur do bháthadh 7 léig úait an *luchl* so oile’. Is *ansin* ro chiunaigh an muir 7 ní ro urchoidighsi doibhsium ná do neoch oile.

Aroile la *badursum* foran muir tainig diabhal a ndeilbh senduine eaduathmair iofrenndaighe gor *comnaigh* for sheol na loinge a bhfiadhnaisi Brenainn 7 ní fhacaidh *aon* nech *acusum* é *acht* Brenainn namá. Iarfaidhes Brenainn iarsin don diabhal ciodh *uma* *ttaimic* riana *aimsir* chóir .i. ría n-*aimsir* na heiseirghe móire. Ad bert diabhal ‘is aire thanag’, ar sé, ‘d’iarraidh mo fianta a gcuasalaibh doibhne an mara moirso ina bhfuil dorus ó bel *iofrainn*. Iarfaighes Brenainn dorighisi de ciodhon cáit a bfuil an log *iofranda* sin. ‘Truagh sin’, ar an diabhal,’ ní heidir lé haon nech a fhaicsin 7 e béo ina churp. As *edb* atá nech a fhaicsin & e béo ina churp.

As edh atá ní chena ro fhoillsigh diabhal *ansin* dorus *iofrainn* do Bhrenainn & fechais an gearcair *ngairbh* *ngrainemhail* sin lan do brentaibh, lan do lasir, lán do mhosaibh, lan do longphorhaibh na ndemhan ndodhealbha ndobésach, lán do ghol & d’eighemh & do urchoid & guirthe móra & golfortach gher & basgaire brómach na bpecach a cridhedhaibh na bpian i gcargraibh teineadh & i gcaithiribh *tróm*lasrach in *iomud* broin & bais & riaghadh & cuithreib

ndiocumaing forsléibhtibh siorthinedh gin anadh gin oirision *acht* slugh demhan ic ttárrang a gcarraibh salca senbhrena sirifrinn síos. & chomha *croma* cen*mm*ra & piasda buidhe bélmora & leom*ain* lonna lanluatha aga ledroth & aga langerradh *unn*. Griobha garbha gobremhra & seabaic *gera* guilbnecha & cuile gor*ma* grainemhla & crabhair caoacha *cnamghobacha* aga gcnamhchognam*h* *ann*. Coin ar confadh. Madaidh eg morthafan*n*. Cait ag comcognam*h* na n-anam neimfiren *ann* & farchadha troma tinntidhe. Suiste sennda seangharbha & cloithimhe *gera* grodmarbhtach ga gcombhuladh *ann*. Badar *ann* fós sleibhti arda adhfuaa & glen*ta* doibhne doelais & cairge *cruidha* com*loma* & srotha serbha siorbhena. Linnti lethna loisgneacha. Uisgeadha dubha doibhla & mara teachtaidhe tuaitbhena. Gaoethe géra geimreta. Sneachta secdha siorshilteach. Lanna troma tinntidhe. Gnusi dáora dorchaidhe. Deamhna luatha leidmecha. Piana aidhbhle examhla.

Is annsin rofhiarfuidhsid a muin*ter* do Bhrenainn ‘cia aigille?’ ar iat. Roinnis Brenainn gur bo hé an diabhal báoi agá agallam & ro in*nis* doibh began do na piantaibh ad chonnaic amhail adubhramair. Is annsin ad bert fer día muin*ter* fria Brenainn: ‘leigh damhsa,’ ar sé, ‘go n-acair ní dona pianaibh *sin*. Iarna chedughadh dó ifreann goma ilpianaibh do fhgebadh ba marbh fo chedóir & sedh adbert eg ég dó. ‘Mairg, mairg, mairg’, ar sé, ‘taimic & tiocfa & tig isin charcair so.’ Iar sin do ghní Brenainn urnaighthe diochra go Día & taithbheoidh an fersin búí marbh día muin*ter*.

Nior bhada do chodar ar sin an tan fuaradur inghen min macachta mongbhuidhe gilither snechta no cubhar tuinne gach ball di & si marbh iar ttabhairt buille do gha fuirte iona druim go ndechaidh idir a dha cíoch amach. Ba hiongnadh med na hinghine sin .i. ced troighidh ina fhad & naoi ttroighthe idir a dha cíoch. Secht traighthe fod a méoir medhoim. Iar *sin* ro fhaithbheoidh Brenainn hí & baidsidh do cedour. Fiarfaidhis Brenainn a chinel di. ‘Do aitreabhaibh an mara damhsa’, ólsí, ‘.i. don lucht oilit & iornaidhit eiseirgi dóibh.’ Rofhiarfaidh Brenainn di cred budh áil lé .i. ‘an docum nimhe ragha’, ar sé ‘no in dochum t’athardha’. Do freagair an ingen dó tre berla nar tuigedur cách & as edh adbert: ‘docum nime,’ ar sé, ‘radhad oir do cim & do chluinim gotha na n-angel & na haingil féin ag moladh an coimthe cumachtaigh’. Iar gcaithemh tra curip chríosd & a fhola fuair bás gan guasacht gan gábhadh & ro heidhnaicedar go hanorach la Brenainn hí.

Ar oile lá badur foran muir go soimhrech & iad ag iomramh go bfacadur in n-innsi n-alainn ar a n-urcomair ós i ard uraibinn & port reigh rofairseng dá rochtain. Acht atá ní chena, badur go cenn triocho lá impe ioma gcuaird & nior fhedsad dul a tír inte fris an ré sin. Ad cualadur gothe daine innte ag moladh an coimthe & ad conncadur eglais n-ard n-oredha n-aoibhinn innte. Iar geloisdecht doibhsium foghar lochta na hinnsi collaidh Brenainn gona muinntir fo cedóir an súan spioradalta uair nar leigedsum tra docum na hinnsi; curthar clár ciartha dóibh anúas & é sgríobhtha & as edh báoi ann: ‘Na denaidh saothar frisan innsisin do thiachtain air ní tiocfaighe innte tre bithe, acht an n-innse iarrthai foghebhthai, & ní hí so hí, acht eirg do tír fein & do talamh uair atáid sochaidhe ann agat iarraidh & lenab maith dfhaisin dfoillsiughadh an sgríobtura t nádha? Dóib amhuil bidh eadh ad beiredh: as iomdha áit & adhbhadha eile ag an gcoimthe an egmais na hinnsiso. Iarsin tra iompóid on innsisin & beirid léo an tabhuill cíartha sin a gcomarta fáilti & muinnterais lucht na hinnsi tug dóibh & no airleghta acasum gach láoi amhail biodh o Dhía do bertha hí.

Aroile lá badur ag iomram an mhara. Gabhais iota dermair íad gur bho comfhochraibh bás dóibh. Is annsin ad conncadur gur bho comfhochraibh bás dóibh. Is annsin ad conncadur na srotha aille eochairghlana uisge ag sile & ag siorthuitim as an gcarraig. Fa aoibhnesa dóibh nár-(la) faidhid (?) a fhoirenn do Brenainn: ‘an iobham uisge’, ar siad. ‘Benmachaidh ar tús é’ ar Brenainn, ‘go bfhesam cíá ttig’. Iar mbenmachadh tra uisge traothaid iarsin na srotha fo cedóir. Is annsin ad conncadur diabhal ac sciordudh na n-uisgedh uadh & ag marbhadh in lochta nosebhedh. Saorthar iadsum annsin tré breithir Brenainn & rosguir a n-iotasum fo chedóir. Foiriatar tra an locsin for Dhiabhal go ná derna olc fría duine ná fría hanmann eile riamh o sin amach.

Iar mbeith tráth do Brenainn seacht mbliadhna for loinges forsan bhfairge ro iompa do ridhisi go a tír & go a talamh fein amhail ro fularadh fair isin n-innsi. Is annsin do dechadur lucht a thire & a thuithe fein ana aghaidh & badur agá fhiarfaidhe de cíá tarbha búí dó díá loinges. Do rinne senmoir bréthre Dhé doibh iarsin & lenaid móran diobh Criosd o sin amach. Dognisiumh ferta iomdha & miorbuile mora o sin amach & do shlanaighedh aos galair & gur eslainte & ro ionmarbadh demhna & dubhailce a crídhedhaib na n-iriseach.

## Орфографическая норма в бретонской литературе второй половины XX века

---

Вторая половина XX века - время, когда зона распространения бретонского языка стремительно сократилась, однако именно в это время на бретонском языке создается большое число оригинальных литературных произведений и переводов литературных текстов с других языков. Своеобразие социолингвистической ситуации, сложившейся по окончании Второй мировой войны заключалось во взаимодействии противоречивых, порой взаимоисключающих тенденций.

Специфика послевоенной ситуации заключалась в том, что отношение к любой деятельности, связанной с возрождением бретонского языка, стало настроенным в связи с деятельностью отдельных антифранцузски настроенных активистов „бретонского движения“ . Одиозным персонажем стал талантливый писатель Ропарз Эмон, укrywшийся в Ирландии от политических преследований. Однако, именно в это время, в 1946 г, выходит первый номер литературного журнала *Al Liamm* (Связь), продолжающего традиции, заложенные Р. Эмоном. Журнал существует по сию пору, тексты публикуются в орфографии *reunvan* и редактируются согласно принципам языковой нормы, принятой в университете Ренн-2 и унаследованной от пуристов XIX – XX вв.

Основной целью *Al Liamm* стала публикация качественных литературных текстов. Поскольку количество пишущих на бретонском языке весьма ограничено, а талантливо пишущих – тем более, журнал

уделяет большое внимание переводам современной литературы. Если поначалу переводчики, как правило, переводили не с оригинала, а с уже имеющегося перевода на французский или английский язык, то к концу XX века возрастает количество переводов непосредственно с оригинала, выполненный в том числе и иностранцами, изучившими бретонский язык. Предпочтение отдается произведениям, не переводившимся на французский, что создает у читателя стимул знакомиться с ними именно на бретонском языке.

Таким образом, бретонский читатель получает возможность расширить свой кругозор, выйдя за пределы родной литературы. Однако для большинства носителей языка в 50 – 70 годах (до массового исхода из сельской местности) такая „интеллигентская“ литература была малопонятна, а далекий от живых диалектов язык, на котором создавались и оригинальные произведения, и переводы, для носителей диалектов был чужд и вызывал у многих отторжение.

Более понятной носителям живых диалектов была бытописательская и мемуарная литература, повествовавшая и повседневной жизни в Нижней Бретани.

Именно в это время намечается серьезный разрыв между „городским“ и „деревенским“, бытописательским направлением в бретонской литературе.

Для „деревенской“ литературы были характерны следующие черты:

- Использование диалектизмов (иногда с пояснениями отдельных слов и словосочетаний в виде сносок или глоссария),

- Использования преимущественно „университетской“ (Брестской) орфографии, в случае ваннского диалекта – различных вариаций ваннской орфографии.

- Подавляющее большинство авторов говорит по-бретонски с детства.

- Ограниченный круг жанров и сюжетов: воспоминания о детстве в сельской местности, пересказ фольклорных сюжетов, юмористические и пародийные произведения.

Самым ярким образцом деревенской литературы и единственным произведением на бретонском языке, известным за пределами Франции стала книга „Конь доблести“ (Marh al Iorch) Пьера-Жакеза Элиаса (Pierre-Jakez Helias).

Для „городской“ литературы характерно следующее:

- Редкое использование диалектизмов и заимствований из французского, использование неологизмов (pellgomzer, urziataerezh и т. п.)

- Использование преимущественно орфографии reurunvan („реннской“)

- Авторы не всегда говорят по-бретонски с детства, для многих он не является родным.

- Поиск новых бретонской литературы для жанров: детектив, „новый роман“ (антироман), антиутопия и т. д.

Попытка создания единой для всех диалектов орфографической нормы была предпринята в 1960-х с целью примирить приверженцев брестской и реннской норм. „Реннская“ орфография reurunvan вызывала малопривлекательные ассоциации с коллаборационистами и деятельностью Р. Эмона, к тому же неэтимологичность и ненаучность орфографии reurunvan вызывала массу нареканий. Несмотря на критику, она стала привычной для многих пишущих и читающих по-бретонски.

Более этимологически обоснованной стала новая орфография Фанша Морванну (Fanch Morvannou), использованную в его самоучителе Le Breton sans reine, вышедшем в издательстве Assimil. Широкого распространения эта орфография не получила, хотя она и учитывала данные этимологии. Лишь издательство Skol Vreiz систематически публикует книги с использованием этой новой междиалектной орфографии. Двухязычный словарь Фавро (самый полный на данный момент бретоно-французский и франко-бретонский словарь) вышел именно в этом издательстве и именно в этом орфографическом варианте.

Создание новой орфографии в 1975 году не упростило, а усложнило ситуацию: единого мнения по поводу того, какой из орфографических вариантов является наилучшим, нет. Наиболее распространенным орфографическим вариантом является reurunvan, причем связано это исключительно с тем, что наибольшее количество бретоноговорящих и пишущих на бретонском прошло обучение в стенах университета Ренн-2 и пользовалась учебником П. Дени Brezhoneg buhan hag aes. После того, по инициативе П. Дени в 1981г стало возможным получить дипломы всех ступеней, обучаясь по специальности „бретонский язык“, использование

reunvan стало необходимым условием для получения диплома в этой области. В 1976 году в Бретани начинают открываться школы Diwan, где обучение полностью ведется на бретонском языке. В этих школах также используется орфография reunvan. Таким образом, новое поколение бретоноговорящих уже не стоит перед проблемой выбора орфографического варианта.

Споры вокруг бретонской орфографии не утихают, так как разрыв между устным языком в его многочисленных разновидностях и письменным многими носителями воспринимается болезненно. Последователи П. Дени, в частности Л. Кергоат, настаивают на невозможности унифицированного письменного языка отражать все особенности устного, а орфографии – полностью соответствовать произношению. Однако разрыв между письменным и устным языком приводит к трудностям для нефигов, в распоряжении которых оказывается „школьный“ вариант бретонского, непонятный носителям диалектов. Возникают споры о том, какой именно бретонский следует считать „настоящим“ и кого следует считать „настоящим бретонцем“.

#### **Литература:**

- Denez, P, Brezhoneg buhan hag aes, Omnivox, Paris, 1972, 255 c.  
Favereau, F., Geriadur ar brezhoneg a-vreman, brezhoneg/galleg, galleg/brezhoneg, Skol Vreizh, Lesneven, 1992, 1357 c.  
Favereau, F., Litterature et ecrivains bretonnants depuis 1945, Skol Vreizh, Lesneven, 1991, 84 c.  
Morvannou, F. Le Breton sans peine. vol. 1-2, Assimil, Cheneviere sur Marne, 1983, 673 c.  
Wmffre, I, Breton Orthographies and Dialects, vol. 1-2, ed. Peter Lang, Bern, 2007, 784 c.



## Поэтические тексты в двух первых редакциях „Похищения быка из Куальнге“

---

В „Похищении быка из Куальнге“ содержится два типа поэтических вставок. С одной стороны, это неоднократно привлекавшие внимание исследователей „реторики“ – архаические (или нарочито архаизированные) монологи, нередко оформленные как акцентный стих. С другой стороны, это стихотворения, написанные классическим силлабическим размером, также представляющие собой монологи персонажей, но не отличающиеся по языковым признакам от основного прозаического текста.

Традиционная трактовка, предложенная Р. Турнайzenом в начале XX века, гласит, что вторая редакция „Похищения“ представляет собой редакторской правки и расширения первой редакции, которая, в свою очередь, является литературной обработкой совокупности нарративных фрагментов и стихотворных текстов не совсем ясного генезиса. Сравнение силлабических стихотворений в двух редакциях показывает, однако, (1) что составитель второй редакции, скорее всего, работал с другим ответвлением традиции, нежели то, к которому принадлежит первая редакция; и (2) что для некоторых текстов необходимо постулировать этап промежуточной устной трансляции. Доклад будет посвящен обоснованию этих двух тезисов.

## The role of traditional and performance strorytelling in education of multilingual/multicultural children

---

To start with, this paper deals with the question of raising of multilingual and multicultural children and inspects a particular case of two Irish-Russian girls being brought up in Suisse Romande and therefore being exposed to Russian, English and French languages. We pay special attention to the aspects of migration and adaptation and outline basic principles of raising of multilingual children.

First, the principle of neurolinguistic anchors states that one language should be associated with one parent or milieu, and this rule should be implemented with religious consistence. It goes without saying that each parent should speak his or her mother language to the children from birth. It is equally important to agree on the common language of the family, so as not too create confusion. Cases where parents do not speak each others' language and communicate through the means of a *lingua franca* which is not native to either of them are not desirable.

The migration aspect of the life of modern „third culture“ children also implies that they usually have a language associated with the country that they are living in at a particular stage, therefore a milieu anchor.

We will then bring the aspect of storytelling as a typical and prominent feature of the Irish cultural tradition into discussion.

This 'oral literature' – much of which has been transmitted in forms and patterns that are expressly designed to assist its further transmission - is found throughout the world. Classed by UNESCO as 'intangible cultural heritage', it

originates in (generally) anonymous tradition, and consists of numerous distinct genres such as folktales, jokes, fairytales, epics and myths. Although this repertoire of traditional narratives is oceanic in its scope, it is a repertoire with a range that is possible to contend with over a lifetime.

In Britain and Ireland, the storytelling sector with a principle focus on the oral retelling of traditional tales is fairly well developed and varied. Because the medium of oral storytelling is extremely versatile, the sector includes storytellers working in a rich range of contexts such as education, mental health, literacy development, second language attainment, social inclusion, heritage interpretation, prisoner rehabilitation, entertainment, refugee settlement, business training, retirement, community cohesion, etc. Storytellers working in these various 'sub-sectors' of the 'storytelling sector' therefore need to develop skill-sets that match the specific contexts in which they work. The storytellers range from keen amateur enthusiasts for whom it is an entertaining pastime; to those who use it as a secondary adjunct to a main profession (such as a teacher, librarian or psychotherapist); to those whose full time professional career is telling stories. It should be stated that the vast majority of professionally paid storytelling work that happens today is invisible to the broader public because it occurs in closed community, educational or private settings. However professional performance storytelling, because of its obvious need to attract the attention of a public audience, is rendered much more visible through the work of promoters and the professional marketing and publicity departments of the venues in which it occurs.

'Performance storytelling' is a term coined by Ben Haggarty in the early 1980's, and since then the term has gradually come to differentiate performance storytelling from 'folk and community' storytelling. Folk and community storytelling generally occurs in a range of less formal contexts and often in venues where there is a pre-existing sense of social community within the audience (such as in community centres, pub club rooms, village halls or indeed, educational establishments). Such storytelling tends to be carried out on an amateur basis or by professional or semi-professional folk and community arts animateurs who deploy skill sets appropriate for contexts which often necessitate different aims, emphases, values and aesthetics (both marked and nuanced) than those demanded by a more formal performance storytelling context. In practice

though, very many professional storytellers work in both contexts, (particularly in terms of educational work) and although there are large areas of expertise where the skills demanded by both sector contexts clearly overlap, nevertheless the particular exigencies of each contrasting context sometimes call for significantly different, additional skills.

As opposed to this, the tradition of folk storytelling as a community activity is largely lost in post-Soviet Russia. Therefore, I, as a mother, a scholar and a performer, find myself faced with a tricky problem - in order to bring my children and their friends all the gems of traditional epic and folk tales from various parts of the world, I have to use the skills and media which belong to the realm of the rapidly developing art of performance storytelling, rather than to the realm of folk storytelling, the skills of which I do not possess.

We will then introduce an Old Irish epic text called „The Death of Celtchar, son of Uthechar“ as an example of my practices and study the ways to adapt it to modern storytelling art for children. The Irish lore is undoubtedly one of the richest mines of unbroken folk storytelling tradition, especially in way that it does not differentiate between ancient epic tales and later folk sources - everything from the birth of Cu Chulainn to the heroic deeds of Kerry fishermen ends up in a magic cauldron which produces tales so often heard in schools, pubs and folk festivals. Working with a lesser known epic text provided a somewhat unexpected challenge. All classical translations of Old Irish texts, be that into German, French or English, follow the generally accepted rule of the use of high speech register throughout the text. This results in somewhat pompous translations which do not bear any stylistic resemblance to the original. For instance, where the protagonist shouts at his opponent: „Bugger off, you plonker!“ in good colloquial Old Irish, Kuno Meyer’s very academic translation goes as: „Be gone, oh evil one!“ etc. We will emphasize the importance of the correct use of speech register in performance storytelling. We will also analyze such aspects of adaptation as translation of personal names, working around anachronisms and incorporation of a smaller story into a bigger one, Upanishada-style.

Thus, we aim to show the importance of an early introduction of diversity of tradition as part of cultural adaptation for children of multilingual background.“

## Валлийские переводы в разные эпохи

---

В современной кельтологии часто по-прежнему можно встретить мнение о „второсортности“ переводных текстов по сравнению с „оригинальными“. Однако популярность этих текстов в средневековье, о которой свидетельствует количество содержащих их рукописей, или их доля среди текстов Нового времени заставляет усомниться в неестественности их языка и перейти к объективному изучению особенностей их синтаксиса, лексики и стиля. Татьяна Андреевна Михайлова неоднократно обращалась к переводам и как исследователь, и как переводчик, что поэтому мой доклад посвящен двум проектам, объединенных этой темой.

Первый, находящийся в начальной стадии проект „Übersetzungen als Sprachkontaktphänomene – Untersuchungen zu lexikalischen, grammatischen und stilistischen Interferenzen in mittelkymrischen religiösen Texten“<sup>1</sup> посвящен влиянию латинского языка на религиозные тексты, представленные в рукописи Книга отшельника из Лландевибреви (1346 год). Проект исследует синтаксис, лексику и стиль данных текстов. Оценивается распространенность определенных типов порядка слов, способов образования относительного предложения, числового согласования по сравнению с „оригинальными“ текстами. Также рассматривается использование заимствований и калек. Анализ стратегии

---

<sup>1</sup> Осуществляется при поддержке Fritz Thyssen Stiftung, руководитель Эрих Поппе (Марбургский университет).

переводчика предполагает определение предполагаемого оригинала. На данном этапе работы на примере исследования текста Видения святого Павла становится ясным, что латинский текст, лежащий в основе перевода, не соответствует ни одному из сохранившихся текстов, однако сравнение с имеющимися источниками позволяет сделать ряд выводов об изменениях, произошедших в процессе перевода.

Второй проект – пилотное параллельное онлайн-издание валлийских переводов XVI-XIX веков и их английских оригиналов.<sup>2</sup>

В фокусе внимания находятся четыре текста.

*Perl mewn adfyd* „Жемчужина в невзгодах“ (Lewys 1595) – перевод английского трактата *A Spiritual, and most Precious Perle* (Wermvllervs 1574), в свою очередь являющегося переводом немецкого текста *Ein Kleinot Von Trost und Hilf in allerley Trübsalen* (Werdmüller 1551).

*Berr hanes o'r pethau mwyaf hynod ym mynyd James Albert Ukawsaw Groniosaw, tywysog o Affrica* „Короткая история наиболее поразительных вещей в жизни Джеймса Альберта Укасо Гронниосо“ (Groniasaw 1797), перевод английского *A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as related by Himself* (Gronniosaw 1772).

*Crefydd mewn bwthyn; neu, Hanes Jane Bach* „Вера в лачуге или история маленькой Джейн“ (Richmond 1819) – перевод популярнейшей *The Young Cottager; a true story* (Richmond, ca. 1814).

*Caban f'Enythr Tom* „Хижина моего дяди Тома“ (Cadfan 1853) – один из многочисленных валлийских переводов знаменитой *Uncle Tom's Cabin* Гарриет Бичер-Стоу (Stowe 1852).

Три первых текста взяты с разрешения авторов из корпуса Historical Corpus of the Welsh language, текст Хижины дяди Тома был получен от Дэвида Уиллиса лично. Использование тестов из этого источника сделало проект реализуемым в краткие сроки, но наложило ограничения на объем материала – первый и четвертый тексты вошли лишь фрагментарно, используются первые 100 страниц каждого из изданий. Всего объем валлийской части корпуса составляет 95792 слов, английской 96939 слов.

---

<sup>2</sup> <http://www.online.uni-marburg.de/welshtranslations/>. Выполнен в рамках проекта «Die semantische Entwicklung von Adjektiven im Kymrischen unter diachron-sprachtypologischen Gesichtspunkten» при поддержке Alexander von Humboldt Stiftung.

Все четыре валлийских текста близко следуют своим английским оригиналам, что сделало возможным их автоматическое выравнивание. Для осуществления этой задачи была применен разработанный Тимофеем Архангельским интерфейс *Euclid 3*, в основе которого лежит программа *hunalign* (Varga et al. 2007).

С текстами на сайте можно работать в двух режимах: читать параллельное издание каждого из текстов либо получить список примеров для интересующей словоформы (на данном этапе морфологическая разметка и лемматизатор отсутствуют). Также на сайте приводится подробная информация о каждом из текстов.

Таким образом, проект создает уникальную возможность сравнивать языковые структуры на разных уровнях: от орфографических конвенций до лексического выбора (в частности, интересен вопрос использования заимствований в переводных текстах) и исследовать стратегии перевода в разные эпохи.

#### **Литература**

Varga, Dániel and others. 2007. 'Parallel corpora for medium density languages' // *Recent Advances in Natural Language Processing IV*, 292, ed. by Nicolas Nicolov and others (Amsterdam: John Benjamins Publishing Company), Current issues in linguistic theory, 247–58

## „Правда королевы“. Правовой и социальный статус ирландских королев

---

Фигура короля привлекала внимание многих ученых-ирландистов. Особенности королевской власти на острове посвящена не одна научная работа (например, Francis J. Byrne, „Irish Kings and High Kings“, Maxim Fomin, „Early Irish Kingship and Succession“), права и обязанности короля довольно четко прописаны в целом ряде исторических источников (в том числе в юридических трактатах, таких как Críth Gablach).

Королева же, зачастую, остается в тени. При этом статус ее в обществе как супруги правителя и матери наследника должен был быть чрезвычайно высок.

Мы можем строить наши предположения, насколько важной фигурой при дворе она являлась, какие обязанности ей отводились, каков был ее статус, на основе косвенных источников, например, генеалогий ирландских королев, саг, агиографической литературы, и сопоставляя материал с информацией из правовых текстов.

В своем докладе я попробую сопоставить известную нам из нарративных текстов информацию об ирландских королевах с правовыми нормами, регулирующими брачные и поимущественные отношения супругов в ирландском обществе. Перед нами предстанут королевы-воительницы и королевы-заложницы, супруги и матери, разделяющие высокую цену чести со своими мужьями и сыновьями. Это позволит сделать выводы о роли королевы, ее юридическом статусе и сакральном



значении, ее обязанностях перед мужем и государством, или, если угодно, о специфической „правде королевы“.

### **Список источников и литературы**

- Aided Diarmada meic Cherbail // *Silva Gadelica* / Ed. and transl. O'Grady S.H. London, 1892. P. 72-82
- Geinemain Aeda shlaíne // *Silva Gadelica* / Ed. and transl. O'Grady S.H. London, 1892. P. 82-84
- Tochmarc Becfhola // *Silva Gadelica* / Ed. and transl. O'Grady S.H. London, 1892. P.85-87
- Bitel L.M.* Land of Women. Tales of Sex and Gender from Early Ireland. Ithaca and London. 1998
- Byrne F. J.* Irish Kings and High-kings. Dublin, 2001
- Eska C.M.* Cáin Lánamna. An Old Irish Tract on Marriage and Divorce Law. Leiden. Boston. 2010
- Kelly F.* A guide to early Irish law. Dublin, 1988
- Preston-Matto L.* Queens as Political Hostages in Pre-Norman Ireland: Derbforgaill and the Three Gormlaiths // *The Journal of English and Germanic Philology*, Vol. 109, No. 2 (April 2010). Pp. 141-161
- Михайлова Т.А.* Хозяйка судьбы. Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М., 2004
- Михайлова Т.А.* „Против женщин, кузнецов и друидов...“: вера в женскую магию в традиционной ирландской культуре // *Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев.* М., 2005, с. 322-334

## Дополнительная палатализация в дублинском ирландском: гиперкоррекция или английское влияние?

---

Данное исследование основано на анализе материала, собранного в ноябре 2014 года, когда были опрошены 36 билингвов с ирландским в качестве второго языка, выросших в Дублине и на момент интервью проживающих в самом городе или в соседних графствах. Многими исследователями дублинский ирландский оценивается негативно, так как по сравнению с говорящими на традиционных диалектах языковая компетенция его носителей не является достаточной, а в произношении прослеживается влияние английского языка. Речь подобных говорящих нередко называют ‘пост-традиционным’ или ‘нетрадиционным’ ирландским [Ó Véarra 2007], а самих говорящих – ‘недоносителями’ [Lepoach 2012; Ó Curnáin 2012].

Английское влияние отмечается учеными и в случае носителей ирландского как первого родного [Lepoach 2012], особенно в плане палатализации, так как в доминирующем в обществе английском языке оппозиция согласных по данному признаку отсутствует [Ó Véarra 2007]. Здесь выделяются два типа отклонений: отсутствие палатализации и произнесение палатализованного согласного на месте непалатализованного [Снесарева 2014]. Последнее явление встречается достаточно редко и на первый взгляд может быть объяснено ошибкой говорящего или гиперкоррекцией. Действительно, логично предположить, что, научившись различать палатализованные и

непалатализованные согласные, но не до конца усвоив данную оппозицию, билингвы могут использовать палатализацию и там, где ее быть не должно.

Однако данные спектрограмм позволяют выдвинуть иную гипотезу. Так, несмотря на то, что в традиционных ирландских диалектах палатализация непозиционна, в речи билингвов с ирландским как вторым языком прослеживается зависимость наличия или отсутствия палатализации от качества соседних гласных. В частности, в большинстве примеров дополнительная палатализация встречается перед гласными переднего ряда. Этому наблюдению не противоречат и контексты типа *tús* 'начало', так как говорящие, использующие в данном слове палатализованный [t'] на месте непалатализованного, произносят не гласный заднего ряда, а более упрежденный. Движение палатализации в сторону позиционности (в случае подтверждения) может быть объяснено влиянием первого языка говорящих, английского, в котором палатализация встречается только на уровне аллофонов перед гласным переднего ряда верхнего подъема [i].

## Библиография

- Снесарева, М.Ю. (2014) 'Дублинцы и их ирландский: палатализация в условиях двуязычия', *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, № 6, с. 196-206.
- Lenoach, C. (2012) 'An Ghaeilge Iarthraidisiúnta agus a Dioscúrsa'. In: Lenoach, C., Ó Giollagáin, C. and Ó Curnáin, B. eds. *An Chonair Chaoch: an Mionteangachas sa Dátheangachas*. Galway: Leabhar Breac, p. 19-109.
- Ó Béarra, F. (2007) 'Late Modern Irish and the Dynamics of Language Change'. In: Tristram, H. ed. *The Celtic Languages in Contact*. Potsdam: Potsdam University Press, p. 260- 269.
- Ó Curnáin, B. (2012) 'An Ghaeilge Iarthraidisiúnta agus an Phragmataic Chódmheasctha Thiar agus Theas'. In: Lenoach, C., Ó Giollagáin, C. and Ó Curnáin, B. eds. *An Chonair Chaoch: an Mionteangachas sa Dátheangachas*. Galway: Leabhar Breac, p. 284-364.

О кельто-германских параллелях в мифологии:  
мотив *источник & дерево*

---

Основная задача настоящей заметки – привлечь внимание специалистов к некоторым аналогиям, засвидетельствованным как в кельтской, так и в древнегерманской – прежде всего эддической – архаичных мифопоэтических традициях и предложить их интерпретацию. В качестве объектов сравнения используются наиболее репрезентативные памятники письменности, реализующие мифопоэтическое мировоззрение и относящиеся к одному жанру – **эпосу** – древнеирландские саги и древнеисландские поэтическая „Старшая Эдда“ (рукописи конца XIII - начала XIV вв.), содержащая песни мифологического и героического циклов, и прозаическая „Младшая Эдда“ (1222–1225 гг.), авторство которой приписывается знаменитому Снорри Стурлусону. Общность жанра и сохранение реликтов языческого мировоззрения являются не единственными аргументами в пользу сопоставления соответствующих произведений; не менее актуальными факторами можно считать, во-первых, изолированное положение как Исландии, так и Ирландии, а также ненасильственное принятие христианства (на тинге в Исландии и в результате миссионерской деятельности святого Патрика в Ирландии) и интенсивные взаимные контакты, в частности, набеги викингов с конца восьмого до конца десятого века, в которых „скандинавы выступали в отношении ирландцев как берущей, так и дающей стороной. Так, например, наряду с древней, основной формой прозаической саги, с

десятого века под скандинавским влиянием возникают на те же сюжеты краткие песни-баллады, дожившие до наших дней“ [Смирнов 1961, 6]. Таким образом, на передний план выдвигается вопрос о статусе совпадений – отражений общего культурного наследия или продуктов перекрёстного влияния и заимствований.

Рассмотрим по отдельности элементы интересующей нас мифологемы с тем, чтобы затем трактовать её как целостный феномен.

### § 1. **Д е р е в о**

а) **дерево & вода;**

б) число 9;

в) **дерево ↔ человек;**

г) **дерево – жизнь**

д) мотив поединка с чудовищем, охраняющим дерево.

### § 2. **И с т о ч н и к**

а) **вода & дерево;**

б) **источник – мудрость.**

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что в текстах, репрезентированных в обоих эпосах, обнаружен рефлекс индоевропейского эпистемологического мифа, кодируемого семантическим комплексом **вода – дерево – мудрость**, причём источник знания локализуется в ином мире и добывание сакральных сведений сопряжено борьбой - либо с поединком, либо с самопожертвованием. Таким образом, речь идёт о сохранении общих мифологических символов, вполне вероятно, отражающих архаичное дохристианское мировоззрение.

---

## К интерпретации одной латинской надписи из северной Италии

---

Латинская надпись из региона Черрионе в северной Италии была опубликована Л. Бреччиароли Таборелли в *ZPE* в 1988 г. Согласно итальянской исследовательнице, текст надлежит читать как *Severa*, / *Licini f(ilia)*. / *Tertulla, Sumelli C(ai) f(ilia)*. / *C(ai) Sumeli, Pollionis / f(ili)*), причем последние три строки надписи были добавлены позже двумя различными резчиками. Это чтение было перепечатано (с небольшими уточнениями) в соответствующем выпуске *L'Année épigraphique*. Так как надпись содержит ряд фиксаций этимологически прозрачного галльского антропонима (\**su-* & \**mel-*), она представляет значительный интерес для современной кельтологии. В докладе планируется рассмотреть несколько вопросов, связанных с этой надписью.

Во-первых, на сегодняшний день имеется несколько интерпретаций самой надписи. Кроме работы Бреччиароли Таборелли, они представлены в М. Е. Raybould, P. Sims-Williams, *Introduction and Supplement to the Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names* (Aberystwyth 2009), 91 и G. Cresci, P. Solinas, *Microstorie di romanizzazione. Le iscrizioni del sepolcreto rurale di Cerrione* (Venezia 2013), 59-61, и это нуждается в критическом осмыслении. Во-вторых, галльское имя *Sumel-*, хорошо известное по ряду памятников и, в частности, по надписи из Бомона, см. классический анализ в работе D. Ellis Evans, *Gaulish Personal Names* (Oxford 1967), 114-6, нуждается в дальнейшем изучении. В частности, в докладе будут рассмотрены

вопросы о написаниях антропонима с двумя *-ll-* (в связи с недавними разысканиями П. Де Бернардо Штемпель), о формальных особенностях его структуры, о проблемах интерпретации второго компонента и о возможных параллелях этого имени в необритских языках (в том числе, и в связи с сопоставлением огамич. DUMELI с валл. Dyfel).

Во второй части доклада анализу будет подвергнута дистрибуция этого имени в латинской эпиграфике Европы. К аттестациям, учтенным в работе М. Рэйболда и П. Симс-Уильямса (*op. cit.*, 174), теперь следует добавить недавно (ср. *Oro, pane e scrittura* (Roma 2011), 98) обнаруженную также в регионе Черрионе надпись *Optata Sum/eli Optioni f(ilia)*, см. отличное ее издание Дж. Крески и П. Солинас, *op. cit.*, 146-8. Некоторого объяснения требует включение М. Рэйболда и П. Симс-Уильямсом в свой сводный каталог (*op. cit.*, 174 и 75-76) трех аттестаций *Sumelitis* в латинских надписях римской Дакии против одного, рассмотренного в работе А. Falileyev, *Celtic Dacia* (Aberystwyth 2007), 135. Как было указано (*op. cit.*, 139), в этом исследовании я опирался на авторитет К. Петолеску, который предложил иное чтение двух латинских надписей из Албурнус Майор, при которых искомое имя отсутствует (С. Petolescu, *Inscripții latine din Dacia* (București 2005), 379 и 380, *sum(m)e l(a)et(us?)*). Однако в недавней монографии, посвященной латинским надписям этого важного в античности поселения (С. Ciongradi, *Die römischen Steindenkmäler aus Alburnus Maior* (Cluj-Napoca 2009), 76-77), мы действительно находим эти имена, *Implaius Sumel(etis)* и *Surio Sumelet(is)*. Таким образом, гипотеза М. Рэйболда и П. Симс-Уильямса о том, что *Sumeletis* представлен в трех надписях из Дакии, на сегодняшний день является более привлекательной. Отдавая себе отчет в сложности точной интерпретации этого имени, авторы осторожно склоняются в пользу его интерпретации в качестве галльского патронимика.

В этой связи следует учесть, что подобная форма неизвестна за пределами Албурнуса, а многие имена, зафиксированные там, хотя и допускают кельтскую лингвистическую интерпретацию или даже имеют точные параллели в галльском ономастиконе, ими не являются, см. Falileyev, *op. cit.*, s. vv. *Andunocnes*, *Beucus*, *Lavius*, *Liccai*, *Maelantonius*, *Naios* и т. д. Было также отмечено большое количество так называемых „иллирийских“ имен в эпиграфике Албурнуса (см., напр., R. Ardevan, *Die Illyrier von Alburnus*

Maior: Herkunft und Satus, *Ad fontes!* (Wien 2004), 593-600), и показано, что многие из них неизвестны за пределами этой провинции, что также осложняет использование термина „иллирийский“ в лингвистических и ономастических штудиях (см. А. И. Фалилеев, Раннопо-Шурика, *Современные методы сравнительно-исторических исследований* (М., 2013), 298-307). Примечательно и то, что интерпретация *Sumeletis* как „иллирийского“ имени уже известна (ср. S. Nemeti, Bindus-Neptunus and Ianus Geminus at Alburnus Maior (Dacia), *Studia Historica. Historia. Antiqua* 22 (2004), 94-5). Таким образом, эта форма остается, по крайней мере, сомнительной и должна рассматриваться в современных кельтских штудиях с большой осторожностью.



От берегов Шри-Ланки до ирландских холмов:  
Хождение ирландских племен в поисках Обетованной Земли

---

В средневековой Ирландии существовала доктрина о переселении ирландских племен в дохристианскую эпоху из изначального места обитания, которое трактовалось древнеирландскими хронистами как Вавилон и впоследствии Египет, в страну куда более благословенную – в поисках которой предки ирландцев исходили весь мир. Эта концепция опиралась на существовавшие в средние века представления об обитаемом мире, в какой-то мере вытекавшие из представлений древнегреческих (Страбон), римских (Плиний) и раннехристианских (Орозий) авторов. Со времени своей компиляции сюжет о переселении ирландских племен (из Египта на Ланку, и оттуда – в Ирландию) обрастал мифами и легендами, и со временем оформляясь в стройную концепцию, которой придерживались ирландские средневековые летописцы и историки – начиная с XII и заканчивая XVII–XVIII вв.

Вариативность пространственных предлогов *på* / *i*  
в современном шведском языке – “в Ирландии, Исландии,  
Гренландии...”

---

В соответствии с литературной нормой при употреблении с названиями небольших островных государств и государственных образований традиционно используется предлог *på na*, который обозначает местонахождение на поверхности, в том числе на островах.

Вместе с тем в современном шведском языке наблюдается тенденция к вариативному употреблению тех же топонимов с предлогом *i v*, который используется при обозначении местонахождения в преобладающем большинстве всех других стран.

Применительно к названиям скандинавского ареала, таким как Исландия или Гренландия, несмотря на возможную вариативность, традиция остается относительно устойчивой. Так, по данным Корпуса современного шведского языка, составляемого Отделением компьютерной лингвистики Гётеборгского университета, в обоих случаях количество употреблений с предлогом *på* более чем в 10 раз превышает число употреблений с предлогом *i*: *på Island* (5433) / *i Island* (473); *på Grönland* (1465) / *i Grönland* (135). Совсем иначе выглядит статистика вариативности при употреблении тех же предлогов с названием Ирландии; однако и в этом случае предлог *på* является преобладающим и встречается почти в 2 раза чаще: *på Irland* (3468) / *i Irland* (1809).

Рассматривая эту тенденцию в отдельном разделе книги о норме и вариативности в современном языке, её авторы – специалисты Шведской языковой комиссии обращают внимание на роль внешнего фактора – несовпадения географических границ острова, при обозначении которого следует употреблять предлог *på*, и государства, при обозначении которого следует употреблять предлог *i*. Основанные на этом практические рекомендации носителям шведского языка сводятся к тому, чтобы упорядочить употребление обоих предлогов:

Även om det bara finns 5 miljoner människor *på Irland* – varav 1,5 miljon i Nordirland – finns det 40 miljoner invånare i USA som har irländskt ursprung ‘Даже если на территории острова Ирландия живет только 5 миллионов человек – из которых 1,5 миллиона в Северной Ирландии – в США 40 миллионов жителей имеют ирландские корни’. – *Iriska och engelska är officiella språk i Irland* ‘Ирландский и английский – официальные языки в республике Ирландия’ [Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm, 2005, 179].

Однако реальная картина языкового узуса в начале XXI века, по данным Корпуса Гётеборгского университета, выглядит значительно сложнее. В живой речи современных шведов употребление обоих предлогов встречается в абсолютно идентичных контекстах и не определяется какими-либо хронологическими различиями (в скобках указаны даты зафиксированных в корпусе употреблений):

Det blir troligen en ny folkomröstning *på Irland* nästa år (2012) ‘Вероятно, в следующем году в Ирландии состоится новый референдум’ – *Då är det också dags att se hur den viktiga folkomröstningen i Irland har utfallit* (2008) ‘В таком случае пора также посмотреть, каковы итоги важного референдума в Ирландии’; *Iriskan är ett nationalspråk på Irland* (2012) ‘Ирландский является национальным языком в Ирландии’ – *Iriskan är ett officiellt språk i Irland* men talas nuförtiden som modersmål av ett fåtal (2012) ‘Ирландский является официальным языком в Ирландии, но в настоящее время в качестве родного он используется немногими’.

Таким образом, восприятие Ирландии как островного государства устойчиво держится в сознании современных носителей шведского языка.

## Миф о кельтах в истории романских языков

---

Для романских языков кельтский субстрат является едва ли не единственным относительно хорошо известным. Из источников, унаследованных от античности, романское Средневековье и Возрождение получили достаточно много сведений об ушедшем мире кельтов. Вопросы о кельтском влиянии на романские языки и кельтских мотивах в истории романских литератур („*matière de Bretagne*“) являются достаточно хорошо изученными. Мы же рассмотрим такие моменты в истории романских языков, когда обращение к кельтскому элементу (реальному, вымышленному или в определенном ключе истолкованному) выступало одним из компонентов культурной и языковой идентификации романоязычного мира. Наиболее актуальным это является для французского языка.

Франц. *Gaulle* ‘Галлия’ не является регулярным продолжением лат. *Gallia*; как возможный источник рассматривается франкское \**Walba* ‘Римский мир, римляне’, оказавшееся фонетически близким к *Gallia*. Отсюда своеобразие использования в старофранцузском прилагательного *galois*, указывавшее на то, что соотносится с кельтами, но встречавшегося и для обозначения французского языка в регионах, соседних с германоязычными.

В XVI в., в эпоху „защиты и прославления“ романских языков, к галльскому прошлому Франции стали апеллировать, чтобы подчеркнуть своеобразие французской культуры. Ярким примером может служить переосмысление в лингвистическом плане Жоашеном дю Белле мотивов, взятых у Лукиана Самосатского, о „галлогреческом Геркулесе“. В Италии

gallo использовалось для противопоставления „латинян“, т.е. итальянцев, - „галлам“, т.е. французам, причем прилагательное приобрело дополнительный оттенок „грубый“, „варварский“.

Более поздним примером является „кельтизм“ в Галисии, воплощенный в идеях Эдуардо Пондаля, видевшего в галисийском языке „язык народа Бреогана“, мифического кельтского вождя.

## Кельтский след в исландском именованослове

---

По разным данным, около 80 % исландских первооселенцев происходили из Скандинавии, при этом большинство из западной Норвегии, остальные же были преимущественно кельтского происхождения. Несмотря на малую долю в этническом составе первооселенцев, кельты оказали определенное влияние на антропологический облик жителей острова, а также на культуру и язык исландцев. В частности, некоторые кельтские имена вошли в исландский именованослов (уже в Средневековье или как саговые имена на волне подъема национального самосознания в XIX в.), либо стали одним из источников немногочисленных исландских фамилий.

## Скала Кашель: место, достойное короля

---

Средневековая Ирландия, несмотря на многочисленные упоминания самих терминов „*ard-ri*“ или „*ri Erenn*“ в письменных источниках, практически никогда не находилась под властью одного короля, за исключением, знаменитого Бриана Бору. В отдельно взятый период времени, на острове могло одновременно „править“ более 150 „королей“, точнее племенных вождей „*ri*“, подчиненных определенной иерархии, и большинство из них обладало собственной „королевской резиденцией“, местом, где заседал король.

Тем не менее, на фоне этих многочисленных и малозначимых в истории Ирландии, „королевских резиденций“, выделяются более крупные центры, несущие сакральное значение еще с языческих времен. Их комплексы представляют собой настоящие „лабиринты“ со рвами, окружающими искусственные насыпи, вырытыми оврагами, которые когда-то очевидно были частью инаугурационной процессии, и захоронениями, древнейшие из которых восходят к периоду неолита („Курган заложников“ в Таре). Обычно выделяют пять таких комплексов, которые были центрами пятин Ирландии: Тара, Эмайн Маха, Дун Айллине, Круахан и Кашель. Если об истории первых четырех историками было сломано уже немало копий, то о значении Кашеля, как центра королевской власти юга Ирландии, было написано немного, что объясняется отчасти нехваткой археологического материала.

Историю „скалы Кашеля“ обычно начинают с XII века, с 1101 года, когда Мурдах из клана О’Брайнов передал Кашель церкви, где впоследствии, в 1172 году состоялся знаменитый Кашельский синод, инициируемый Генрихом II. Говоря о более ранней истории Кашеля, обычно ограничиваются тем, что он был основан Коначалом Корком приблизительно в V веке нашей эры. Здесь был крещен Патриком его правнук и первый христианский король Мунстера, Энгус Над Фройх. В конце X века, а точнее в 977 году, Кашель перешел от ослабевших из-за бесконечных междоусобиц Эоганахтов, к пришедшему с Запада молодому клану Дал Кайс в лице Бриана Бору. В 1101 году, его потомок Мурдах О’Брайн передал Кашель епархии Анмерика, завершив тем самым „мирскую“ историю крепости.

Таким образом, Кашель, самый поздний из всех вышеперечисленных центров, знаменит своей ролью в истории христианизированной Ирландии, и прежде всего, в истории ирландской церкви. Этот топоним, казалось бы, вообще не связан с кельтским потусторонним миром и Ши, которые, столь часто появляются в скалах, посвященных Эмайн Махе и Таре. Сама история основания Кашеля, описанная в текстах „История основания Кашеля“<sup>1</sup> и „Изгнание Коначалла Корка“<sup>2</sup>, пропитанная христианским символизмом: явление ангелов, подобно тому, как оно описывается во сне Иакова в Ветхом Завете, молебен на месте будущей резиденции, предвещание прихода Патрика.

Тем не менее, не стоит забывать, что „домом“ короля Кашель стал еще в языческие времена, при Коначале Корке. Более того, значение Скалы Кашеля в христианизации Мунстера, как места, откуда Святой Патрик крестил юг Ирландии, косвенно свидетельствует о том, что в дохристианский период Кашель уже был важным королевским и церемониальным центром, наравне с Тарой, Эмайн Махой, Круаханом и Дун Айллине. Христианская церковь строила свой фундамент, прежде

---

<sup>1</sup> Dillon M. (ed. and tr.) *The Story of Finding Cashel*. Ériu, Vol. 16, Contributions in Memory of Osborn Bergin (1952), pp. 61-73

<sup>2</sup> Vernam Hull (ed. and tr.) *The Exile of Conall Cork*. PMLA, Vol. 56, No. 4, pp. 937-950



всего, на традициях предшествующих ей верований и на местах прежних ритуальных комплексов.

Немногочисленные письменные источники донесли до нас отрывки памяти об истории и роли Кашеля в мифологический период истории Ирландии. „Книга Прав“<sup>3</sup> (*Lebor na Cert*), датированная не ранее, чем XI веком называет прежнее название Кашеля – *Sid Druim*, что можно перевести как „Холм Сидов“. Это название<sup>4</sup> связывает комплекс с потусторонним миров, делая его своеобразной пограничной зоной, периферией, что является обязательным атрибутом любого древнего центра королевской власти, где король, в первую очередь, сакральная фигура. Опять же, большое значение имеет в данном случае сам термин „*Druim*“ - холм, вероятнее всего искусственная насыпь, курган, подобно Холму Заложников в Таре, Круахану, и т.д., то есть, место, где приносились заложники, или где могла заканчиваться инаугурационная процессия<sup>5</sup>. Археолог Патрик Глисон в своей статье „*Constructing Kingship in Early Medieval Ireland: Power, Place and Ideology*“<sup>6</sup> упоминает два места рядом с Кашелем, которые могли служить в инаугурационных целях: *Rathnadrinna*, к юго-западу от скалы Кашеля, и доисторическое укрепление, примыкающее к установленному вертикально камню в Баллири (*Baile-na-righ* - „место для короля“). Заслуживает внимание и искусственный овраг *Dubchloy*, ведущий к северо-западному углу скалы Кашеля, и выполнявший, возможно, схожую функцию в инаугурационной процессии, что и *Tech Midchúarta* („Медовые покои“) в Таре, хоть и относящийся к более позднему, средневековому периоду.

Упоминается в источниках, посвященных Кашелю, „плиточный камень“ „*Lia*“, подобно *Lia Fail* в Таре, также служивший в инаугурационных целях: „*At-chonnarc doss n-ibair for carraic con'acca daurthbach bec ara belaiþ 7 lecc cloiche ara belaiþ*“

---

<sup>3</sup> Dillon M. (ed. and tr.) *Lebor na Cert*. Irish Text Society, Vol. 46 (1962).

<sup>4</sup> Здесь, конечно, стоит сделать оговорку о достоверности «Книги прав», как источника по архаическим традициям Ирландии, тем более дохристианским.

<sup>5</sup> Как, например, в случае с Тарой. Подробнее: Newman: «Procession and symbolism at Tara: analysis of the Tech Midchúarta in the context of the sacral campus», *Oxford Journal of Archaeology* 24( 4), p. 414–38.

<sup>6</sup> Patrick Gleeson: «Constructing Kingship in Early Medieval Ireland: Power, Place and Ideology», *Medieval Archaeology* 01/2012; 56(1). Pp. 1-33

*side. Timthirecht aingel ond licc siuas 7 annias.*<sup>7</sup> “ („Увидел я тисовый куст на камне, маленькую молельню напротив него и камень (каменную плиту) перед ним. Ангелы посещали этот камень, уходя вверх и спускаясь вниз“).

Несмотря на длительную историю изучения, дохристианская история Кашеля и его роль как важного центра королевской власти юга Ирландии, еще только начинают прорисовываться. Проводилась ли здесь инаугурационная процессия, подобно той, что происходила в Таре, где происходило провозглашение короля, куда приносили дань, где обменивались заложниками, как этот комплекс был ориентирован в пространстве, и совпадало ли это с расположением других центров королевской власти в Ирландии? На все эти вопросы, и многие другие, еще только предстоит ответить.

---

<sup>7</sup> Vernam Hull (tr.) *The Exile of Conall Cork*. PMLA, Vol. 56, No. 4, p. 942

## „Verb reprise“ in Irish<sup>1</sup>

---

Irish allows for a doubling construction that can be represented as [Comp V S<sub>Full</sub> NP ... [Comp V S<sub>Pron</sub> (O) ...] (the first clause is unfinished):

- (1)
- |                      |                   |            |              |                   |           |                     |           |
|----------------------|-------------------|------------|--------------|-------------------|-----------|---------------------|-----------|
| <i>An gcaithfidh</i> | <i>stuf</i>       | <i>sin</i> | <i>ansin</i> | <i>atá</i>        | <i>sa</i> | <i>bpota atá</i>    | <i>ag</i> |
| Q will.have.to the   | stuff             | this       | then         | REL.is in.the pot |           | REL.is at           |           |
| <i>fúchadh an</i>    | <i>gcaithfidh</i> | <i>sé</i>  | <i>sin</i>   | <i>gail</i>       | <i>a</i>  | <i>dhéanamh...?</i> |           |
| simmering Q          | will.have.to it   | this       | this         | boiling           | PRT       | do                  |           |
- ‘Should this stuff in the pot that is simmering (, should it) boil now?’ (RM)

Such sentences are not instances of hesitation, because a pause never occurs between the clauses, and no variation (e.g. synonymous verbs instead of identical verbs or two coreferent full NPs instead of an NP and a coreferent pronoun) is permitted.

I will try to show that the occurrence of this construction in Irish, which is a strictly VSO language, is functionally justified: it is there to minimize constituent recognition domains (in terms of Hawkins 2004) in sentences with a heavy NP close to the beginning of the clause. Cf. (2) with no verb repetition and a „verb reprise“ sentence in (3):

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 14-18-03270 „Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания“.

(2)  
*Bhí* [Tom Ó Máille agus Máirtín Larrý] [ar ancaire] [le ceo] [ar ród na Gaillimhe].  
 were T. and M. on anchor with fog on way of.the Galway  
 ‘Tom Ó Máille and Máirtín Larrý were on anchor in the fog on the way to Galway.’

IC-to-word ratio is 5/12.

(3)  
*Bhí* [Tom Ó Máille agus Máirtín Larrý] *bbiodar* [ar ancaire] [le ceo] [ar ród na Gaillimhe] ‘id.’ (RM).  
 were T. and M. they\_were on anchor with fog on way of.the Galway

IC (immediate constituent)-to-word ratio of the first unfinished clause is  $2/2 = 1$ . IC- to-word ratio of the second clause is  $4/6 = 2/3$ . The average value is  $5/6$ . Thus, the IC-to- word ratio is twice better in the second case than in the first one.

The experiments showed that the longer the first NP the more accepted / preferred to other options is the „verb reprise“ construction. Also, for this construction to be felicitous, there must be some lexical material to the right of the pronominal NP (*gail a dhéanamh* in our example) – thus, no intransitive simple predicates are allowed. This facts support our hypothesis.

## References

- Hawkins 2004 – J. A. Hawkins, *Efficiency and Complexity in Grammars*, Oxford: Oxford University Press.  
 RM – A. Wigger (Ed.), *Caint Ros Muc*, Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 2004.